60 1/3
Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, 1913.
Б.28.
п3687

60 1/3

БИБЛІОТЕКА

ПРОВЕРЕНО

0606
Т 8096

52334

ТРУДЫ

Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи.

60/3

OEUVRES

de la Commission scientifique des Archives d' Orenbourg. Russie.

Бывшій префектъ гродненской гимназіи, іеромонахъ доминиканскаго ордена,

Кандидъ ЗЕЛЕНКО

въ Оренбургѣ.

Н. Н. Модестовъ.

ВЫПУСКЪ XXVIII.

TOME XXVIII.

ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
БИБЛИОТЕКА
ОБ ИМЫШЛЕНИЯ АН СССР

ОРЕНБУРГЪ.
Типографія Тургайскаго Обл. Правленія.
1913.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
13

БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
Шкафъ 10
Полка 2
№ 13
Инвентарь
№ 28

ПРОВЕРЕНО

Бывшій префектъ гродненской гимназіи, іеромонахъ доминиканскаго ордена,

Кандидъ ЗЕЛЕНКО

въ Оренбургѣ.

Историческій очеркъ.

(Съ приложеніемъ статьи **В. В. Григорьева**).

Составилъ дѣйствительный членъ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи священникъ **Николай Модестовъ.**

Ин-та русского языка
БИБЛИОТЕКА
по языкознанию АН СССР

ОРЕНБУРГЪ.
Тип. Тургайск. Областн. Правленія.
1913

Печатано по постановленію Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
370187

Отъ автора.

„Ксендзъ Кандидъ Зеленко мнѣ извѣстенъ, какъ человѣкъ кроткій, надежный, ни въ чемъ неблагонамѣренномъ незамѣченный и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребленъ былъ мною съ пользою".

(*Изъ рапорта оренбургскаго военнаго губернатора В. А. Перовскаго военному министру*).

Всякій, кому хотя разъ пришлось побывать въ музеѣ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи, конечно, не могъ не замѣтить золотого наперстнаго креста, помѣщеннаго рядомъ съ такими предметами, которые никакъ нельзя отнести къ предметамъ церковной археологіи. И дѣйствительно, этотъ крестъ помѣщенъ здѣсь не какъ предметъ цѣнный въ археологическомъ отношеніи, а только какъ простое напоминаніе о полезной дѣятельности польскаго ксендза Михаила Ѳаддѣевича Зеленки въ Оренбургѣ.

Въ архивѣ той-же самой Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи хранится до сихъ поръ дѣло, носящее такой заголовокъ: „Дѣло о присылкѣ на жительство въ Оренбургъ префекта бывшей гродненской гимназіи Кандида Зеленки и объ опредѣленіи его католическимъ священникомъ въ оренбургскій корпусъ".

Познакомить читателей съ этимъ, бывшимъ въ свое время секретнымъ, дѣломъ и съ личностію самого Зеленки, насколько она опредѣляется прежде всего этимъ дѣломъ, мы и поставили своей задачей, предпринявъ настоящій трудъ. Попутно мы старались использовать и всѣ другіе, какъ архив-

ные, такъ и печатные матеріалы, такъ или иначе относящіеся къ личности Зеленки и доступные намъ.

Насколько удачно мы выполнили свою задачу, судить, конечно, не намъ, но во всякомъ случаѣ мы надѣемся, что изъ нашего труда читатель достаточно уяснитъ себѣ то,— почему золотой наперстный крестъ польскаго ксендза Зеленки хранится въ музеѣ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи.

I.

Вмѣсто предисловія.

Всѣмъ извѣстно, что въ 1830 году во Франціи вспыхнула т. н. іюльская революція, окончившаяся низведеніемъ Карла X-го съ французскаго престола. Эти французскія событія не замедлили отозваться и въ Царствѣ Польскомъ... Уже 17 ноября 1830 года Варшава сдѣлалась театромъ кровавыхъ сценъ, закончившихся учрежденіемъ временнаго правительства, избраніемъ въ диктаторы генерала Хлопицкаго и удаленіемъ изъ Польши цесаревича Константина Павловича[1]).

Но недешево досталась эта временная побѣда польскимъ повстанцамъ... Когда возстаніе было подавлено русскими войсками, польская армія была расформирована, многіе повстанцы лишились своихъ имѣній, конфискованныхъ въ казну, а еще большая часть повстанцевъ была выслана изъ предѣловъ Польши въ отдаленныя губерніи Россіи, и въ томъ числѣ въ далекій и полуазіатскій Оренбургъ, гдѣ изъ сосланныхъ поляковъ образовалась довольно многочисленная польская колонія.

По окончаніи этого возстанія польскіе эмигранты толпами устремились за-границу, главнымъ образомъ, во Францію, только что пережившую іюльскую революцію и сочувственно относившуюся къ мысли о возстановленіи Польши.

Очутившись, такимъ образомъ, у самаго очага революціи, польскіе эмигранты тотчасъ-же бросились въ открывшійся

---

1) „Р. Старина" 1896 г., октябрь, стр. 80—93.

предъ ними водоворотъ политическихъ заговоровъ и съ лихорадочною поспѣшностью принялись за подготовленіе новаго возстанія[1]), но вскорѣ этотъ замыселъ сдѣлался извѣстнымъ русскому правительству и однимъ изъ первыхъ, поплатившихся за него, лицъ оказался бывшій префектъ гродненской гимназіи—католическій іеромонахъ Кандидъ Зеліонко, или Зеленко, который былъ высланъ на жительство въ Оренбургскую губернію.

Іеромонахъ Кандидъ Зеленко родился, вѣроятно, въ 1797 году отъ небогатыхъ дворянъ Виленской губерніи Трокскаго уѣзда, который издавна входилъ въ составъ Литовскаго княжества[2]). До принятія монашества Кандидъ Зеленко назывался Михаиломъ Ѳаддѣевичемъ и подъ этимъ-же именемъ преимущественно былъ извѣстенъ въ Оренбургѣ.

Получивъ первоначальное образованіе въ ковенскомъ уѣздномъ училищѣ, Михаилъ Ѳаддѣевичъ въ 1815 году принялъ монашество въ Поторцкомъ монастырѣ доминиканскаго католическаго ордена и былъ названъ Кандидомъ. Будучи уже монахомъ, онъ окончилъ „высшій семинарскій курсъ со степенью лектора богословія“ и прошелъ полный курсъ наукъ по этико-филологическому факультету въ знаменитомъ тогда виленскомъ университетѣ. Послѣ этого онъ былъ назначенъ духовнымъ начальствомъ въ Несвижское уѣздное училище учителемъ „польскаго краснорѣчія и латинскаго языка“, а въ 1825 году переведенъ въ гродненскую доминиканскую гимназію[3]). Здѣсь онъ былъ опредѣленъ впослѣдствіи префектомъ или смотрителемъ, какъ называетъ его В. В. Григорьевъ, и прослужилъ сравнительно долго. Но въ 1833 году онъ былъ уволенъ отъ своей должности, высланъ на житель-

---

1) „Истор. Вѣстникъ“ 1894 г. іюнь, стр. 708 и 1901 г., сентябрь, стр. 802.

2) Троки—небольшой уѣздный городокъ Виленской губерніи, окаймленный Трокскимъ озеромъ, жителей имѣетъ $3^1/_2$ тысячи, основанъ въ 1321 году Гедиминомъ и былъ одно время столицею Литвы. Трокскій уѣздъ расположенъ въ западной части Виленской губерніи—между рѣками Нѣманомъ и Виліей. Преобладающее населеніе Трокскаго уѣзда (90%)—литовцы. („Энциклопед. Словарь“ Т-ва бр. Гранатъ, т. IX, стр. 4814).

3) „Сѣверная Пчела“ 1861 года, № 74.

ство въ Оренбургскую губернію и, по распоряженію оренбургскаго военнаго губернатора В. А. Перовскаго, оставленъ въ самомъ Оренбургѣ, гдѣ и окончилъ свою жизнь. Это былъ, безспорно, человѣкъ одаренный „большимъ умомъ и неимовѣрной терпѣливостью въ достиженіи своихъ цѣлей, со всѣми ласковый и обходительный“[1]), умѣвшій прекрасно ладить съ оренбургскимъ начальствомъ и даже быть ему иногда очень полезнымъ, какъ своимъ вліяніемъ на единовѣрцевъ, такъ и своимъ участіемъ въ нѣкоторыхъ культурныхъ начинаніяхъ того времени. Благодаря отчасти послѣднему обстоятельству, имя Михаила Ѳаддѣевича Зеленки памятно нѣкоторымъ оренбуржцамъ даже и въ нынѣшнее время.

За что былъ высланъ въ Оренбургъ іеромонахъ Кандидъ Зеленко и какъ онъ устроился тамъ, къ чему стремился онъ и чего достигъ въ самомъ дѣлѣ,—объ этомъ и будетъ наша дальнѣйшая рѣчь...

---

1) „Р. Старина“ 1903 г., май, стр. 282.

II.

Высылка Зеленки въ Оренбургскую губернію.

Участіе ксендзовъ—наставниковъ и воспитанниковъ гродненской гимназіи въ замыслахъ преступниковъ, возвратившихся изъ-за границы.—Закрытіе гродненской гимназіи и высылка Кандида Зеленки въ Оренбургскую губернію.—Отношеніе военнаго министра—графа Чернышева къ и. д. оренбургскаго военнаго губернатора В. А. Перовскому.—Письмо къ нему гродненскаго военнаго губернатора М. Н. Муравьева.—Болѣзнь Зеленки и оставленіе его на жительство въ Оренбургѣ.—Прошеніе Зеленки о назначеніи ему содержанія.—Содѣйствіе В. А. Перовскаго къ благопріятному разрѣшенію этого прошенія.—Письмо отъ брата Зеленки со вложеніемъ ассигнацій на 100 рублей.—Письмо Зеленки къ виленскому патеру Заленскому.—Разрѣшеніе Зеленки получать казенное содержаніе.

Гродненская гимназія, префектомъ или инспекторомъ которой былъ назначенъ Кандидъ Зеленко послѣ своего посвященія въ іеромонахи, называлась еще и доминиканской. Это названіе было дано ей потому, что наставниками въ ней состояли монахи католическаго доминиканскаго ордена,[1]) который, вѣроятно, и основалъ ее. Когда послѣ усмиренія польскаго

---

1) Доминиканскій орденъ, къ которому принадлежалъ Зеленко и монахи котораго служили наставниками въ гродненской гимназіи, былъ основанъ католическимъ епископомъ Домиником въ первой половинѣ XIII вѣка при папѣ Иннокентіи III. Главными монашескими обѣтами этого ордена были: молчаніе, нищета, постъ и полное воздержаніе отъ мяса, бѣлья и проч. Но бѣдность доминиканцевъ вскорѣ осталась только однимъ лозунгомъ. Впослѣдствіи они завладѣли всѣмъ полемъ науки и сдѣлались могучимъ орудіемъ, съ помощью котораго католичество успѣшно подавляло всѣ противныя ему теченія въ наукѣ. Схоластика была произведеніемъ доминиканцевъ и изъ ихъ среды вышло много великихъ и славныхъ мужей, какъ Альбертъ Великій, Ѳома Аквинатъ, Савонаролла и др. („Богосл. Энйиклопедія“, изд. Лопухина, т. IV, стр. 1187—1191)

возстанія было произведено слѣдствіе надъ мятежниками, то оно открыло, что „въ злономѣренныхъ замыслахъ преступниковъ, возвратившихся изъ-за границы“ принимали участіе и нѣкоторые „ксендзы—наставники и даже воспитанники гродненской гимназіи“)[1]. Какова была судьба этихъ ксендзовъ и воспитанниковъ,—мы не знаемъ, но зато съ полною достовѣрностію можемъ сказать, что это обстоятельство прежде всего отразилось пагубнымъ образомъ на самой гродненской гимназіи, которая тогда-же была закрыта, или какъ говорили тогда „упразднена“[2]). Тяжело отразилось оно и на судьбѣ префекта гимназіи—іеромонаха Кандида Зеленки, который, хотя и не принималъ никакого участія въ движеніи, возникшемъ въ Польшѣ, но все-таки первоначально, какъ можно думать, сочувственно относился къ нему. Въ виду этого его, „какъ менѣе виновнаго“,[3]) высочайше повелѣно было выслать, „согласно изъявленному имъ желанію“, для жительства подъ полицейскимъ надзоромъ въ Оренбургскую губернію, куда онъ и былъ отправленъ подъ конвоемъ одного жандарма 2-го сентября 1833 года[4]).

Но пока Зеленко совершалъ свое далекое и, нужно сказать, очень медленное путешествіе изъ Гродны въ Оренбургъ, въ Петербургѣ уже успѣли было передумать и придти къ мысли, что рискованно и опасно посылать ксендза Зеленку на жительство туда, гдѣ уже и безъ того было слишкомъ много ссыльныхъ поляковъ. Въ виду этого вскорѣ-же послѣ отправленія Зеленки въ Оренбургъ военный министръ—графъ Чернышевъ поспѣшилъ 14 сентября того-же 1833 года увѣдомить исправляющаго должность оренбургскаго военнаго губернатора В. А. Перовскаго,[5]) что если онъ найдетъ неу-

1) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд, дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 2.

2) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г. стр. 9.

3) Тамъ же, стр. 2.

4) Тамъ же, стр. 1.

5) Василій Алексѣевичъ Перовскій былъ назначенъ управлять оренбургскимъ краемъ въ томъ-же самомъ 1833 году, въ которомъ былъ высланъ въ Оренбургъ и Зеленко. Первоначально Перовскій былъ назначенъ только исправляющимъ должность оренбургскаго военнаго губернатора (см. тамъ-же), но 6-го декабря 1833 года онъ

добнымъ оставить ксендза Зеленку на жительство во ввѣренномъ ему краѣ, то онъ можетъ сдѣлать распоряженіе о высылкѣ Зеленки согласно съ монаршею волею въ одну изъ другихъ губерній, поименованныхъ въ отношеніи отъ 21 августа 1833 г.[1]) Однако это отношеніе военнаго министра нисколько не измѣнило первоначальнаго маршрута Зеленки и онъ былъ оставленъ В. А. Перовскимъ на жительство не только въ Оренбургской губерніи, но и въ самомъ Оренбургѣ. Случилось это вотъ какъ.

Далекій и долгій путь отъ Гродны до Оренбурга да еще въ осеннюю пору не прошелъ даромъ для Зеленки, такъ что когда онъ въ началѣ октября (1-го или 2-го октября)[2]) 1833 года прибылъ въ Оренбургъ то оказался „въ болѣзненномъ положеніи".[3]) Это обстоятельство, а также и особое письмо, которое привезъ съ собою Зеленко отъ гродненскаго военнаго губернатора—М. Н. Муравьева[4]) къ В. А. Перовскому, по-

---

былъ уже утвержденъ въ должности военнаго губернатора (тамъ-же, стр. 20). Огорченный неудачнымъ исходомъ хивинскаго похода (въ 1839 году), В. А. Перовскій 1-го мая 1842 г. вышелъ въ отставку для поправленія своего здоровья, но 22 марта 1851 года, по высочайшей волѣ, онъ вновь былъ призванъ на этотъ почетный постъ. 17-го апрѣля 1855 г. В. А. Перовскій былъ пожалованъ графскимъ титуломъ, но 22 марта 1857 г. онъ снова вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Италію, гдѣ въ концѣ того-же 1857 г. и скончался на рукахъ своего брата—Б. А. Перовскаго и сестры—графини А. А. Толстой. Графъ В. А. Перовскій былъ однимъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ и земѣчательныхъ дѣятелей оренбургскаго края („Р. Старина" 1896 г., май, стр. 409—429, и іюнь, стр. 520 - 551). В. А. Перовскій находился въ большой дружбѣ съ извѣстнымъ поэтомъ В. А. Жуковскимъ („Вѣстникъ Евр." 1901 г., апрѣль, стр. 524—552). Онъ былъ однимъ изъ четырехъ побочныхъ сыновей графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго и носилъ фамилію „Перовскій" отъ подмосковнаго села Перова („Оренбургская епархія", Н. М. Чернавскаго, т. II, стр. 428). Образованіе В. А. Перовскій получилъ въ московскомъ университетѣ.

1) Архивъ О. Уч. Арх. Ком, отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 1.

2) Это видно изъ сопоставленія указа оренбургской казенной палаты съ помѣткой, сдѣланной В. А. Перовскимъ на отношеніи къ нему гродненскаго военнаго губернатора (см. тамъ-же, стр. 2 и 92).

3) Тамъ-же, стр. 3.

4) Это тотъ самъ извѣстный графъ М. Н. Муравьевъ, который „во время управленія Сѣверо-западнымъ краемъ стремился обезпечить навсегда покорность края и рядомъ мѣропріятій упрочить преобладаніе въ немъ русской народности". Родился М. Н. Муравьевъ въ 1786 г., а умеръ скоропостижно въ 1866 г. въ своемъ имѣніи Сырецъ, Петербургской губерніи („Энц. словарь" т-ва бр. Гранатъ, т. VI, стр. 3303).

служили поводомъ къ тому, что В. А. Перовскій, несмотря на данное ему право выслать ксендза Зеленку въ какую либо другую губсрнію, все-таки принялъ его подъ свой надзоръ, а впослѣдствіи, какъ мы увидимъ вскорѣ, даже и подъ свое особенное покровительство. Начало этому покровительству положило то самое письмо М. Н. Муравьева, о которомъ мы только что упомянули и изъ котораго В. А. Перовскій могъ ясно видѣть, что, высылая ксендза Зеленку изъ Гродны, М. Н. Муравьевъ подчинялся только разъ навсегда принятой имъ системѣ управленія краемъ, а самъ лично смотрѣлъ на ксендза Зеленку, какъ на человѣка „поведенія благонадежнаго и ни въ какихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ и сношеніяхъ не замѣченнаго, а замѣшаннаго отчасти въ знаніи о злоумышленіяхъ“

Такъ какъ никто не можетъ упрекнуть графа М. Н. Муравьева въ полонофильствѣ и особомъ пристрастіи къ польскимъ панамъ и ксендзамъ, за которыми онъ особенно строго слѣдилъ самъ, да и другимъ приказывалъ дѣлать то-же самое,[1]) то его весьма характерное письмо къ старому боевому товарищу В. А. Перовскому[2]) пріобрѣтаетъ особенный интересъ и поэтому мы позволимъ себѣ привести его здѣсь цѣликомъ. Вотъ оно:

„Милостивый Государь,

Василій Алексѣевичъ.

Податель сего—ксендзъ Зеленко, бывшій префектъ доминиканской гимназіи, хотя и былъ отчасти замѣшанъ въ знаніи о злоумышленіяхъ противъ правительства и потому вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія отправляется на жительство въ Оренбургскую губернію, но какъ сей Зеленко прежде сего не былъ замѣченъ ни въ какихъ противузаконныхъ

---

1) „Особенно строго присматривайте за панами и ксендзами“ говаривалъ обычно графъ М. Н. Муравьевъ своимъ сослуживцамъ и подчиненнымъ (Истор. Вѣстникъ“ 1892 г., декабрь, стр. 629).

2) Какъ В. А. Перовскій, такъ и М. Н. Муравьевъ одинаково участвовали въ 1812 г. въ знаменитомъ Бородинскомъ сраженіи.

дѣйствіяхъ и сношеніяхъ и вообще былъ поведенія благонадежнаго, то и рѣшаюсь просить ваше превосходительство не отказать въ оказаніи ему своего во время пребыванія его тамъ покровительства.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть, м. г., вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою Михаилъ Муравьевъ".

Это письмо, написанное за исключеніемъ подписи, вѣроятно, рукою секретаря, имѣетъ слѣдующую собственноручную приписку М. Н. Муравьева: „P. S. Я тебя прошу почтительно, Василій Алексѣевичъ, не найдешь-ли возможнымъ дать сему Зеліонкѣ какое нибудь занятіе, дабы онъ могъ имѣть способъ къ пропитанію: онъ человѣкъ бѣдный и ничего не имѣетъ".[1])

М. Муравьевъ.

2 сентября 1833 г.
Гродно.

Таково было рекомендательное письмо М. Н. Муравьева, которымъ онъ по чувству великодушія и справедливости счелъ необходимымъ снабдить Зеленку, отправлявшагося въ далекій Оренбургъ. Очень понятно теперь,—почему В. А. Перовскій уже 4 октября 1833 г, т. е. почти тотчасъ же по пріѣздѣ Зеленки поспѣшилъ увѣдомить военнаго министра, что „по уваженію болѣзненнаго положенія" ксендза Зеленки и „по позднему осеннему времени" онъ „рѣшился оставить его, Зеленку, въ Оренбургѣ подъ полицейскимъ надзоромъ".[2]) Въ тотъ-же самый день В. А. Перовскій извѣстилъ объ оставленіи ксендза Зеленки въ Оренбургѣ особыми отношеніями: гродненскаго военнаго губернатора М. Н. Муравьева, оренбургскаго коменданта и оренбургскаго гражданскаго губернатора. Извѣщая послѣднихъ и прося ихъ имѣть „строгій полицейскій надзоръ" надъ ксендзомъ Зеленкой, В. А. Перовскій сообщилъ имъ, что „ксендзъ Зеленко участвовалъ въ

1) Архивъ О. У. А. К., отд. граж., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 9.
2) Тамъ же, стр. 3.

злонамѣренныхъ замыслахъ польскихъ мятежниковъ, возвратившихся изъ-за границы".[1])

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ произошло то, что Зеленко былъ оставленъ на жительство въ Оренбургѣ, несмотря даже на то отношеніе, которое было получено оренбургскимъ губернаторомъ отъ военнаго министра.

Хотя такой оборотъ дѣла вполнѣ соотвѣтствовалъ видамъ и намѣреніямъ Зеленки, который, конечно, потому и изъявилъ самъ желаніе быть высланнымъ въ Оренбургскую губернію, что надѣялся устроиться здѣсь лучше и скорѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ мѣстѣ, однако нѣтъ никакого сомнѣнія, что на первыхъ порахъ своего пребыванія въ Оренбургѣ Зеленкѣ пришлось испытать довольно острую нужду въ деньгахъ, такъ какъ со дня пріѣзда его въ Оренбургъ ему была прекращена выдача тѣхъ кормовыхъ денегъ, которыя онъ получалъ въ размѣрѣ одного рубля въ сутки во время своего переѣзда изъ Гродны въ Оренбургъ[1]). Въ виду этого уже 4 октября 1833 года, т. е. спустя дня два-три послѣ своего пріѣзда, Зеленко обратился къ В. А. Перовскому съ просьбою о назначеніи ему содержанія[2]). В. А. Перовскій отнесся очень сочувственно къ этой просьбѣ Зеленки и, „принимая во вниманіе бѣдность и скромное поведеніе ксендза Зеленки"[3]), а также и то, что онъ „присланъ въ Оренбургъ не какъ ксендзъ, а какъ бывшій префектъ"[4]), вскорѣ-же началъ хлопотать о назначеніи ксендзу Зеленкѣ наравнѣ со всѣми высланными чиновниками изъ поляковъ кормовыхъ денегъ по одному рублю въ сутки"[5]). Но, несмотря на участіе и хлопоты самого В. А. Перовскаго, не скоро еще дождался Зеленко этихъ денегъ и потому нѣкоторое время ему пришлось претерпѣть даже „крайность", по собственному его выраженію[6]). Къ сча-

---

1) Тамъ же.
2) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 91.
3) Тамъ же, стр. 10.
4) Тамъ же.
5) Тамъ же, стр. 31.
6) Тамъ же.
7) Тамъ же.

стію для Зеленки въ эту тяжелую пору безденежья на помощь къ нему пришелъ братъ его—брестскій уѣздный лѣкарь Людвигъ Зеленко, который 13 января 1834 г. прислалъ ему письмо „со вложеніемъ ассигнацій на сто рублей“, что видно изъ собственноручной росписки Зеленки въ полученіи этого письма[1]), прошедшаго, конечно, черезъ руки тогдашней оренбургской полиціи, благодаря чему при „Дѣлѣ“ и сохранилась эта самая росписка.

Къ этой-же трудной порѣ безденежья относится и письмо самого Зеленки къ виленскому патеру Заленскому, которое было отправлено въ Вильну 14 марта 1834 г. въ незапечатанномъ видѣ чрезъ виленскаго военнаго губернатора—князя Н. А. Долгорукова при особомъ отношеніи В. А. Перовскаго[2]) и въ которомъ Зеленко, вѣроятно, обращался къ этому патеру съ просьбою о помощи. Но это письмо, повидимому, осталось безрезультатнымъ.

Только лишь 22 марта 1834 года разрѣшено было Зеленкѣ получать изъ оренбургскаго казначейства на свое содержаніе по одному рублю въ сутки[3]). Это содержаніе Зеленко продолжалъ получать до декабря 1837 года, когда оно было уменьшено ему до 50 коп. въ сутки[4]), а съ 5 іюня 1839 года выдача „кормовыхъ денегъ“ и совсѣмъ была прекращена ему, такъ какъ съ того времени онъ сталъ получать опредѣленное жалованье, какъ священникъ оренбургскаго отдѣльнаго корпуса[5]).

---

1) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 14. Считаемъ нелишнимъ замѣтить здѣсь, что 1 рубль ассигнаціями цѣнился въ то время въ $3^1/_2$ раза дешевле серебрянаго рубля. („Р. Старина“ 1887 г., іюнь, стр. 595).

2) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 года. стр. 15.

3) Тамъ же, стр. 92.

4) Тамъ же, стр. 96.

5) Тамъ же, стр. 119.

III.

Ходатайство г.-м. Ціолковскаго объ опредѣленіи Зеленки священникомъ для оренбургскихъ католиковъ.

Затруднительное положеніе католиковъ, находившихся въ Оренбургѣ, при отправленіи своихъ религіозныхъ обязанностей.—Совершеніе Зеленкой богослуженій и требъ для оренбургскихъ католиковъ.—Письмо г.-м. Ціолковскаго къ полковнику А. И. Середѣ.—Ходатайство В. А. Перовскаго о возвращеніи ксендза Зеленки на родину.—Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ—графа Д. Н. Блудова къ В. А. Перовскому.—Распоряженіе В. А. Перовскаго объ отправленіи Зеленки въ Бѣлоруссію.—Докладная записка Зеленки къ В. А. Перовскому объ оставленіи его въ Оренбургѣ и причины этого.

Какъ мы видѣли недавно, іеромонахъ Кандидъ Зеленко былъ высланъ въ Оренбургскую губернію „согласно изъявленному имъ желанію“. [1]) Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что при своемъ выборѣ будущаго мѣстожительства Зеленко руководился главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что у оренбургскихъ католиковъ не было своего католическаго священника. Правда, по ходатайству графа П. П. Сухтелена[2]), еще съ 6 сентября 1830 года исполненіе духовныхъ требъ

---

1) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г. стр. 2, 62, и 71.

2) Графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ (род. 1788 г.), состоявшій оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ съ 1830 г. по 20 марта 1833 года, былъ однимъ изъ лучшихъ и образованнѣйшихъ начальниковъ оренбургскаго края. Хотя онъ былъ и лютераниномъ, но погребенъ въ оградѣ военной Петро-Павловской церкви. Умеръ онъ скоропостижно 20 марта 1833 года. Памятникъ на его могилѣ сохранился и до сихъ поръ. („Русская Старина“ 1896 г., май, стр. 410; „Оренб. епархія“ Н. М. Чернавскаго, т. II, стр. 374 и „И. И. Неплюевъ“ В. Н. Витевскаго, т. II, стр. 944).

воинскимъ чинамъ р.-католическаго исповѣданія, находившимся въ оренбургскомъ отдѣльномъ корпусѣ, было возложено на католическаго священника—іеромонаха Омокнинскаго, который жилъ на оружейномъ заводѣ въ г. Златоустѣ[1]) и которому было ассигновано „для объѣзда“ 1658 р. 50 к. и особыя „прогонныя деньги въ оба пути—отъ Оренбурга черезъ крѣпость Илецкую Защиту до гор. Уральска, гдѣ были расположены въ немаломъ числѣ военнослужащіе католики“[2]). Но такъ какъ вслѣдствіе отдаленности г. Златоуста отъ Оренбурга златоустовскій священникъ могъ пріѣзжать въ Оренбургъ только разъ въ годъ[3]),—„всегда во время лѣтнихъ инспекторскихъ смотровъ“[4]), „то живущіе въ Оренбургѣ католики попрежнему оставались цѣлый годъ безъ исполненія обрядовъ своей вѣры до пріѣзда златоустовскаго курата“[5]). Въ виду такого затруднительнаго положенія, въ какомъ находились оренбургскіе католики при отправленіи своихъ религіозныхъ обязанностей, нѣтъ ничего удивительнаго, что по пріѣздѣ Зеленки въ Оренбургъ они тотчасъ-же стали обращаться къ нему съ просьбами то причастить больного, то совершить погребеніе надъ умершимъ. Само собою разумѣется, что Зеленко, еще заранѣе усчитавшій это благопріятное для него обстоятельство[6]), не заставилъ просить себя долго и съ дозъ-

1) Г. Златоустъ—уѣздный городъ Уфимской губерніи. Съ 18-го столѣтія Златоустъ сдѣлался центромъ горнозаводскаго округа и въ немъ находился большой казенный оружейный заводъ, изготовлявшій всякаго рода офицерское и солдатское оружіе и ворочавшій бюджетомъ въ сотни тысячъ. („Истор. Вѣстникъ“, 1892 г., апрѣль, стр. 161-163). Такъ какъ главными мастерами этого завода преимущественно были иностранцы-католики, то для нихъ на заводѣ содержался особый католическій священникъ, которымъ въ данное время состоялъ іеромонахъ Омокнинскій. Онъ-то, несмотря на отдаленность г. Златоуста, и обслуживалъ религіозныя потребности католиковъ, находившихся на военной службѣ въ оренбургскомъ отдѣльномъ корпусѣ и переведенныхъ сюда „изъ бывшихъ польскихъ войскъ“. (Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 70).

2) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 54.

3) Тамъ же, стр. 70.

4) Тамъ же, стр. 54.

5) Тамъ же, стр. 67.

6) О затруднительномъ положеніи оренбургскихъ католиковъ при отправленіи своихъ религіозныхъ обязанностей Зеленко могъ знать, еще находясь въ Гроднѣ, изъ писемъ своихъ единовѣрцевъ, сосланныхъ въ Оренбургъ.

воленія В. А. Перовскаго сталъ совершать богослуженія и требы для своихъ единовѣрцевъ съ первыхъ-же дней своего пребыванія въ Оренбургѣ, какъ это можно видѣть отчасти изъ словъ генерала Н. Г. Залѣсова[1]), а главнымъ образомъ изъ прошенія прихожанъ польскаго костела къ оренбургскому генералъ-губернатору А. П. Безаку[2]).

Хотя такой образъ дѣйствій Зеленки и нельзя признать вполнѣ законнымъ съ строго канонической точки зрѣнія такъ какъ онъ узурпировалъ права златоустовскаго священника, но тѣмъ не менѣе именно этимъ образомъ дѣйствій онъ сразу завоевалъ себѣ симпатіи своихъ единовѣрцевъ въ Оренбургѣ. Весьма наглядным доказательствомъ этихъ симпатій можетъ служить письмо командовавшаго башкирскимъ и мещерякскимъ войсками—генералъ-майора Станислава Ціолковскаго[3]) къ полковнику Акиму Ивановичу Середѣ[4]). Это письмо

---

1) „Русская Старина“ 1903 годъ, май, стр. 282.

2) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 1 ноября 1860 г., стр. 1. Въ своемъ прошеніи къ генералу А. П. Безаку прихожане польскаго костела указывали на 27-лѣтнее служеніе ксендза Михаила Зеленки, а это число лѣтъ выходитъ только при томъ предположеніи, что Зеленко дѣйствительно началъ совершать богослуженія и требы для своихъ единовѣрцевъ съ первыхъ-же дней своего пріѣзда въ Оренбургъ, такъ какъ онъ прожилъ въ Оренбургѣ именно 27 лѣтъ (съ октября 1833 г. по октябрь 1860 г.). Зеленкѣ очень скоро послѣ его прибытія въ Оренбургъ выпалъ удобный случай вступить въ отправленіе обязанностей католическаго священника уже почти оффиціально. Такъ уже въ ноябрѣ 1833 года Зеленко приводилъ къ присягѣ и увѣщевалъ поляковъ-католиковъ, заподозрѣнныхъ въ подготовленіи мятежа въ Оренбургѣ (Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 25 ноября 1833 года). Такимъ образомъ услуги ксендза Зеленки понадобились прежде всего самому же оренбургскому военному губернатору Перовскому, который былъ предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи. Само собою разумѣется, что послѣ этого случая Перовскому уже было неловко запрещать другимъ лицамъ пользоваться услугами сосланнаго ксендза Зеленки...

3) Архивъ О. У. А. К., отд. пограничн., дѣло отъ 31 января 1833 года, стр. 17. Это тотъ самый генералъ Ціолковскій, который, по словамъ Юдина, пользовался почти неограниченнымъ довѣріемъ В. А. Перовскаго („Р. Старина“, 1896 г., іюль, стр. 530) и который 27 февраля 1839 года, по ходатайству В. А. Перовскаго, былъ высочайше пожалованъ землею въ количествѣ 2500 десятинъ. (Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 4 марта 1839 года, стр. 1). Но послѣ неудачнаго похода въ Хиву (зимой того же 1839 года) генералъ Ціолковскій потерялъ довѣріе В. А. Перовскаго и былъ уволенъ въ отставку безъ прошенія. Ціолковскій несчастно кончилъ свою жизнь: онъ былъ убитъ своимъ крѣпостнымъ поваромъ за жестокое обращеніе съ нимъ („Истор. Вѣстникъ“ 1899 года, май, стр. 798).

4) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 года, стр. 122

Государственный исторический библиотека России

написанное 7 декабря 1834 г., заканчивалось такими многознаменательными для Зеленки словами: „Чтобы сдѣлать угодное Богу и христіанству, теперь въ Оренбургѣ есть къ сему удобный случай... Присланный изъ гродненской гимназіи префектъ Кандидъ Зеленко, не лишенный званія гражданскаго и духовнаго, могъ-бы здѣсь занять мѣсто католическаго священника за ту сумму, которую златоустовскому священнику набавили[1]), если только правительству благоугодно будетъ дать на то свое согласіе. Вы теперь ѣдете къ Василію Алексѣевичу (Перовскому)... и попросите его сдѣлать католикамъ неоцѣненнѣйшее благодѣяніе назначеніемъ Зеленки въ Оренбургъ священникомъ, за что всѣ будутъ за его превосходительство возсылать теплыя молитвы къ Всевышнему Создателю“[2]).

Таковы были заключительныя слова письма генералъ-майора Ціолковскаго къ полковнику Акиму Ивановичу Середѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это письмо, какъ нельзя лучше, отвѣчало тѣмъ планамъ, съ которыми ѣхалъ Зеленко въ Оренбургъ, но, къ сожалѣнію, это письмо нѣсколько разошлось съ намѣреніями В. А. Перовскаго, который, желая оказать свое покровительство Зеленкѣ другимъ, болѣе цѣлесообразнымъ и существеннымъ, по его мнѣнію, образомъ, еще раньше этого рѣшилъ ходатайствовать о возвращеніи Зеленки на родину, какъ это видно изъ резолюціи, положенной имъ на письмѣ г.-м. Ціолковскаго. Эта резолюція гласила слѣдующее: „Опредѣленіе по сему ксендза Зеленки оказалось неудобнымъ, а о немъ сообщено генералъ-адъютанту князю Долгорукову[3]) касательно возвращенія на родину“[4]). Судя по этой резолюціи, не имѣющей никакой даты, можно думать,

---

Полковникъ Акимъ Ивановичъ Середа, къ которому писалъ свое письмо генералъ Ціолковскій, состоялъ въ данное время правителемъ канцеляріи оренбургскаго военнаго губернатора, (тамъ же, дѣло отъ 4 марта 1839 года, стр. 11) и чиновникомъ особыхъ порученій при немъ. („Адресъ-календарь Оренбургской губ. на 1833 годъ“).

1) Т. е. за тысячу рублей.

2) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентябрл 1833 года, стр. 25.

3) Т. е. виленскому военному губернатору.

4) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 25.

что письмо г.-м. Ціолковскаго не только разошлось съ намѣреніями В. А. Перовскаго, но и почему-то очень долго не попадало въ его руки, такъ какъ намъ извѣстно, что свое отношеніе къ виленскому военному губернатору—князю Н. А. Долгорукову В. А. Перовскій послалъ только лишь 10 января 1835 г. Это отношеніе было такого содержанія:

„Ксендзъ Зеленко со времени своего пребыванія въ г. Оренбургѣ ведетъ себя съ примѣрною скромностью и ни въ какой неблагонамѣренности не замѣченъ".

„По уваженію такового поведенія ксендза Зеленки и принимая во вниманіе, что прикосновеннность его къ злоумышленному обществу, какъ увѣдомилъ меня генералъ-майоръ Муравьевъ, заключалось только въ знаніи отчасти о злоумышленіяхъ противу правительства, въ чемъ онъ и признанъ менѣе виновнымъ, я считаю нужнымъ довести о семъ до свѣдѣнія вашего сіятельства съ тѣмъ, что не находите ли вы, м. г., возможнымъ исходатайствовать ксендзу Зеленкѣ разрѣшеніе возвратиться на родину"?[1])

Хотя это ходатайство В. А. Перовскаго о Зеленкѣ и не увѣнчалось тѣмъ успѣхомъ, какого можно было ожидать отъ него, но во всякомъ случаѣ оно послужило серьезнымъ толчкомъ къ улучшенію дальнѣйшей участи Зеленки и прежде всего дало ему очень удобный поводъ познакомить В. А. Перовскаго со своими планами и видами на будущее. Случилось это такимъ образомъ.

Въ своемъ отвѣтѣ отъ 19 января 1835 года за № 72 князь Н. А. Долгоруковъ увѣдомилъ В. А. Перовскаго, что онъ „вошелъ въ сношеніе съ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ какъ главноначальствующимъ надъ духовною частью,[2]) прося

---

1) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 26.

2) Т. е. надъ р.-католическою духовною коллегіею, которая находится въ С.-Петербургѣ и въ вѣдѣніи которой состоятъ „всѣ духовно-гражданскія дѣла католиковъ". „Въ случаѣ нужды сношеній съ правительствомъ коллегія дѣлаетъ представленіе министру вн. дѣлъ со своими соображеніями". („Богосл. энциклопедія," изд. Лопухина, т. IX, стр. 226). Вотъ почему князь Долгоруковъ называетъ министра вн. дѣлъ „главноначальствующимъ надъ духовною частью".

его превосходительство, чтобы въ обезпеченіе участи Зеленки, возвращеніе коего теперь въ Гродно могло-бы почитаться нѣсколько преждевременнымъ, оказано ему было снисхожденіе дозволеніемъ пребывать въ Могилевской губерніи въ вѣдѣніи тамошняго епархіальнаго начальства".[1]) Вслѣдствіе этого ходатайства князя Долгорукова, министръ вн. дѣлъ—статсъ-секретарь Д. Н. Блудовъ своимъ отношеніемъ отъ 14 марта 1835 г. за № 640 извѣстилъ В. А. Перовскаго, что „по всеподданнѣйшему докладу государю императору, его величеству благоугодно было высочайше соизволить на возвращеніе іеромонаха Зеліонко изъ Оренбурга и помѣстить его въ одномъ изъ монастырей доминиканскаго ордена въ Бѣлоруссіи, оставя до времени подъ надзоромъ мѣстныхъ начальствъ—духовнаго и полицейскаго". Объявивъ о таковомъ высочайшемъ повелѣніи р.-католической духовной коллегіи и бѣлорусскому генералъ-губернатору къ надлежащему исполненію, министръ вн. дѣлъ просилъ В. А. Перовскаго сдѣлать зависящее распоряженіе къ отправленію іеромонаха Зеліонки изъ Оренбурга къ генералъ-губернатору князю Хованскому для дальнѣйшихъ съ его стороны предписаній о помѣщеніи сего духовнаго"[2]).

Получивъ это отношеніе министра вн. дѣлъ о высочайшемъ повелѣніи относительно Зеленки, В. А. Перовскій уже 2 апрѣля 1835 г. увѣдомилъ объ этомъ повелѣніи оренбургскаго полицеймейстера и гражданскаго губернатора, причемъ добавилъ, что „объ отправленіи Зеленки въ Бѣлоруссію будетъ учинено особое распоряженіе"[3]). 18 апрѣля 1835 года гражданскій губернаторъ увѣдомилъ В. А. Перовскаго, что онъ уже „сдѣлалъ распоряженіе о назначеніи для препровожденія сего іеромонаха (Зеленки) въ пути рядового жандарма, предложивъ казенной палатѣ объ отпускѣ какъ Зеленкѣ, такъ и жандарму кормовыхъ и прогонныхъ денегъ; съ

1) Архивъ О. У. Е. К., гражд. отд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 27.
2) Тамъ же, стр. 28.
3) Тамъ же, стр. 29.

тѣмъ вмѣстѣ предписалъ оренбургскому полицеймейстеру по прибытіи жандарма въ Оренбургъ отправить іеромонаха Зеленку къ мѣсту назначенія“[1]).

Такимъ образомъ, повидимому, все было устроено такъ, чтобы не задержать отъѣзда Зеленки изъ Оренбурга, но тѣмъ не менѣе отъѣздъ этотъ не состоялся...

23 апрѣля того-же 1835 года В. А. Перовскій уже покорнѣйше просилъ гражданскаго губернатора „остановиться отправленіемъ жандарма, если еще не отправленъ, ибо Зеленко не изъявилъ согласія на возвращеніе его въ Бѣлоруссію, а проситъ объ оставленіи его здѣсь въ Оренбургѣ“[2]).

Что-же за причина была такой быстрой отмѣны В. А. Перовскимъ только что сдѣланнаго имъ самимъ распоряженія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти въ собственноручной докладной запискѣ Зеленки, поданной имъ В. А. Перовскому 2 мая 1835 года. Такъ какъ эта записка весьма характерна и для Зеленки и для В. А. Перовскаго и достаточно выясняетъ намъ установившіяся взаимныя отношенія между ними, то мы находимъ не лишнимъ познакомить читателей съ этимъ документомъ во всей его неприкосновенности и оригинальности. Вотъ полный текстъ докладной записки Зеленки:

„Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь,
Василій Алексѣевичъ!

Объявленную мнѣ Высочайшую милость и соизволеніе ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА на возвращеніе меня изъ Оренбурга и помѣстить меня въ одинъ изъ монастырей Доминиканскаго Ордена въ Бѣлоруссіи я пріемлю съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, какъ знакъ неоцѣненнаго МОНАРШАГО благодѣянія, которое я цѣню превыше всего“.

„Но не зная, буду-ли я имѣть право занять тамъ какую либо должность по духовной части, или продолжать зани-

1) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 32.
2) Тамъ же, стр. 33.

маться по ученой, какъ я занимался уже по оной въ продолженіи 13 лѣтъ, и тѣмъ бывъ полезнымъ въ своемъ званіи обратить постепенно вниманіе благонамѣреннаго Начальства и получить впослѣдствіи полное прощеніе: я осмѣливаюсь прибѣгнуть къ высокому покровительству Вашего Превосходительства, прося Васъ всенижайше быть моимъ ходаемъ у МОНАРШАГО ПРѢСТОЛА".

„Цѣль всѣхъ моихъ желаній нынѣ есть та, чтобы позволено было мнѣ оставаться здѣсь, подъ непосредственнымъ Вашимъ покровительствомъ и вліяніемъ. И если-бы благоугодно было разрѣшить мнѣ принятіе въ службу и поручить какую либо обязанность по духовной или ученой части, то я бы счелъ для себя за совершенно лестное счастіе служить подъ покровительствомъ Вашего Превосходительства и всѣми силами старался-бы доказывать постоянную мою преданность и чистоту моихъ намѣреній и чувствъ; вполнѣ убѣжденъ, что никто болѣе Вашего Превосходительства не будетъ въ состояніи лучше и справедливѣе оцѣнить скромные и добросовѣстные труды мои.—Никто болѣе Васъ не захочетъ дать имъ настоящій вѣсъ предъ справедливымъ и МИЛОСТИВѢЙШИМЪ МОНАРХОМЪ".

„Я прежде не желалъ ничего кромѣ высокаго Вашего покровительства, и теперь тѣмъ болѣе оно для меня драгоцѣнно, что я лично убѣдился въ Вашей безпримѣрной добротѣ души, свойственной однимъ только высокимъ людямъ, итакъ до совершеннаго меня прощенія и возвращенія на родину, я теперь прошу лишь одной милости, оставить меня въ Оренбургѣ, и хотя современемъ употребить на пользу службы".

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію

Вашего Превосходительства

покорнѣйшій слуга

К. Зеленко"[1]).

Всматриваясь въ эту докладную записку Зеленки, не ли-

1) Архивъ О. У. А. К., гражд. отдѣл., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 37.

шенную нѣкоторой дозы лести, нельзя не замѣтить того обстоятельства, что ко времени ея написанія Зеленко успѣлъ уже заявить себя какими-то „скромными и добросовѣстными трудами“, которые были справедливо оцѣнены В. А. Перовскимъ и обратили на него вниманіе послѣдняго. Каковы были эти труды,—мы пока не будемъ говорить. но важно то, что черезъ нихъ ссыльный Зеленко пріобрѣлъ благосклонность главнаго начальника оренбургскаго края и извѣстное положеніе, съ которымъ онъ не хотѣлъ разстаться и на которое, очевидно, уже не могъ разсчитывать въ Бѣлоруссіи въ скромномъ положеніи поднадзорнаго монаха доминиканскаго ордена Вотъ, вѣроятно, въ чемъ заключалась неоффиціальная причина отказа Зеленки отъ возвращенія въ Бѣлоруссію, гдѣ къ тому времени была уже значительно стѣснена дѣятельность католическаго духовенства[1]) и гдѣ находившійся подъ полицейскимъ надзоромъ Зеленко, конечно, не могъ разсчитывать на полученіе мѣста „по духовной или по ученой части“. Если прибавить къ этому образовавшіяся связи съ оренбургскимъ обществомъ, то мы легко поймемъ,—почему онъ предпочелъ лучше остаться въ полуазіатскомъ городѣ, чѣмъ отправиться въ Бѣлоруссію подъ надзоръ своего непосредственнаго начальства, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, католики, проживавшіе въ Оренбургѣ, очень нуждались въ католическомъ священникѣ и начали уже хлопотать объ его назначеніи на это мѣсто

Какая изъ указанныхъ нами причинъ была главной и брала перевѣсъ надъ другими,—это пока не важно для насъ, но во всякомъ случаѣ мы должны сказать теперь же, что докладная записка Зеленки очень скоро возымѣла свое дѣйствіе и уже 7 мая 1835 года В. А. Перовскій отправилъ министру вн. дѣлъ особое отношеніе, въ которомъ, между прочимъ, писалъ слѣдующее:

„Не находя съ моей стороны препятствій къ удовлетворенію желанія іеромонаха Зеленки, я имѣю честь довести о

1) „Богосл. энциклопедія“, изд Лопухина, т. IX, стр. 225.

семъ до вашего, м. г., свѣдѣнія, покорнѣйше прося ваше превосходительство исходатайствовать у всемилостивѣйшаго Государя Императора высочайше соизволеніе на оставленіе попрежнему въ Оренбургѣ іеромонаха Зеленки до того времени, какъ признано будетъ возможнымъ возвратить его на родину“[1]).

Интересно отмѣтить здѣсь, что, приводя мотивы къ оставленію Зеленки въ Оренбургѣ, В. А. Перовскій указывалъ, между прочимъ, на то, что въ Бѣлоруссіи Зеленко „не имѣетъ родныхъ, къ которымъ желалъ-бы возвратиться“.[2]) Этотъ мотивъ, отсутствующій въ докладной запискѣ самаго Зеленки, свидѣтельствуетъ о томъ, что, желая воспользоваться и въ будущемъ „скромными и добросовѣстными трудами“ Зеленки, В. А. Перовскій намѣренно старался усилить доводы въ пользу его оставленія въ Оренбургѣ. И эти усилія его не пропали даромъ: 26 іюня 1835 года министръ вн. дѣлъ увѣдомилъ Перовскаго, что, „по всеподданѣйшему докладу объ этой просьбѣ Государю Императору, его величеству благоугодно было изъявить на оную высочайшее свое соизволеніе“[3]), а 15 іюля того-же 1835 года Перовскій уже извѣстилъ Блудова, что онъ сдѣлалъ „надлежащее распоряженіе къ исполненію объявленнаго высочайшаго повелѣнія касательно дозволенія іеромонаху Зеліонкѣ остаться въ Оренбургѣ на прежнемъ основаніи“[4]).

---

1) Архивъ О. У. Д. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 38—39.
2) Тамъ-же.
3) Тамъ-же, стр. 41.
4) Тамъ-же, стр. 42.

IV.

Хлопоты Зеленки о дозволеніи ему совершать богослуженіе и требы въ частныхъ домахъ.

Представленіе администратора могилевской епархіи—епископа Коміонки въ р.-католическую духовную коллегію о разрѣшеніи іеромонаху Зеленкѣ совершать богослуженіе и требы для католиковъ, находящихся въ Оренбургѣ.—Отзывъ В. А. Перовскаго на запросъ министра внутреннихъ дѣлъ.—Указъ могилевской р.-католической духовной консисторіи Зеленкѣ.—Рапортъ Зеленки В. А. Перовскому.—Рапортъ Зеленки въ могилевскую р.-католическую духовную консисторію о дозволеніи освящать для богослуженія частные дома.—Таковой-же рапортъ Зеленки администратору могилевской епархіи—епископу Каміонкѣ.—Неудачный результатъ этихъ рапортовъ.—Ходатайство В. А. Перовскаго предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и первое оффиціальное заявленіе его о нуждѣ построенія въ Оренбургѣ хотя-бы временной католической церкви.—Отвѣтныя отношенія министра внутреннихъ дѣлъ В. А. Перовскому.

Такъ какъ совершеніе Зеленкой богослуженія и требъ для оренбургскихъ католиковъ было своего рода узурпаторствомъ правъ златоустовскаго священника и могло разсматриваться какъ актъ самоволія и безчинія, то Зеленко, чтобы избѣжать отвѣтственности за свои дѣйствія, повидимому, вскорѣ же послѣ своего пріѣзда въ Оренбургъ обратился къ своему духовному начальству съ просьбою о дозволеніи совершать богослуженіе и требы для католиковъ, проживавшихъ въ Оренбургѣ. Но р.-католическое духовное начальство, оберегая права и интересы златоустовскаго священника, долго не давало никакого движенія этой просьбѣ Зеленки и только тогда, когда до него дошелъ отзывъ В. А. Перовскаго о Зеленкѣ, сдѣлан-

ный въ отношеніи къ князю Н. А. Долгорукову, администраторъ могилевской р.-католической епархіи—епископъ Коміонко нашелъ возможнымъ войти въ римско-католическую духовную коллегію[1]) съ представленіемъ о разрѣшеніи іеромонаху доминиканскаго ордена Зеленкѣ „совершать богослуженіе и духовныя требы для находящихся въ Оренбургѣ римскихъ католиковъ“[2]).

Вслѣдствіе этого представленія епископа Коміонки министръ вн. дѣлъ, въ непосредственномъ вѣдѣніи котораго находилась р.-католическая духовная коллегія, 25 августа 1835 года обратился къ оренбургскому военному губернатору съ запросомъ о томъ,—признаетъ-ли онъ возможнымъ съ своей стороны „допустить іеромонаха Зеленку совершать богослуженіе и духовныя требы для своихъ единовѣрцевъ?“[3]) Само собою разумѣется, что В. А. Перовскій, уже ранѣе этого разрѣшившій Зеленкѣ совершеніе богослуженія и требъ въ Оренбургѣ, на этотъ вопросъ министра вн. дѣлъ могъ дать только одинъ отвѣтъ, что онъ не находитъ къ тому „никакого неудобства и препятствій“[4]).

Благодаря такому рѣшительному отвѣту В. А. Перовскаго могилевская р.-католическая духовная консисторія, выслушавъ указъ р.-католической духовной коллегіи отъ 4 октября 1835 года о допущеніи Зеленки къ совершенію богослуженія и требъ для католиковъ, проживающихъ въ г. Оренбургѣ, 15 октября 1835 года опредѣлила для объявленія о томъ послать Зеленкѣ въ Оренбургъ „указъ съ приложеніемъ дозво-

---

1) Р.-католическая духовная коллегія, въ которой сосредоточено высшее управленіе надъ католиками, живущими въ Россіи, находится подъ предсѣдательствомъ архіепископа могилевскаго—митрополита р.-катол. церквей въ Россіи и вѣдаетъ всѣми духовно-гражданскими дѣлами католиковъ. Въ случаѣ нужны сношеній съ правительствомъ коллегія дѣлаетъ представленіе министру вн. дѣлъ съ своими соображеніями. Епископскія рѣшенія могутъ быть обжалованы въ СПБ. коллегію. („Богослов. энцикл.“, изд. Лолухина, т. IX, стр. 225-226).

2) Архивъ О. У. Я. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 45.

3) Тамъ же.

4) Тамъ же, стр. 46.

ленія на отправленіе духовныхъ требъ тамошнимъ католикамъ, или т. н. аппробацію“[1]).

Такимъ образомъ при дѣятельномъ участіи и содѣйствіи В. А. Перовскаго Зеленко не только остался въ Оренбургѣ, но и получилъ формальное разрѣшеніе вступить въ отправленіе обязанностей священника для католиковъ, живущихъ въ Оренбургѣ.

Такой благопріятный оборотъ дѣла сильно подбодрилъ Зеленку и далъ ему поводъ обратиться къ В. А. Перовскому съ новой докладной запиской слѣдующаго содержанія:

„Съ чувствомъ глубокой благодарности и высокаго почитанія, признавая ваше превосходительство виновникомъ новой милости попечительнаго правительства, имѣю честь представить вашему превосходительству полученный мною указъ изъ могилевской консисторіи, временно управляющей епархіальною частію, о разрѣшеніи его высокопревосходительства, г. министра внутреннихъ дѣлъ и кавалера Дмитрія Николаевича Блудова, на счетъ допущенія меня къ совершенію богослуженія и отправленія требъ католикамъ, въ городѣ Оренбургѣ проживающимъ“.

„Вполнѣ чувствую столь высокое и столь желаемое мною преимущество служить подъ лестнымъ начальствомъ и покровительствомъ вашего превосходительства; и вмѣстѣ съ симъ осмѣливаюсь прибѣгнуть вновь[2]) къ вашему благосклонному ходатайству на счетъ церковной утвари, назначенія мѣста богослуженія, церковной прислуги и собственнаго моего содержанія, дабы я могъ приступить къ совершенію католическаго богослуженія“[3]).

Такова была докладная записка Зеленки, поданная имъ В. А. Перовскому 28 ноября 1835 года, т. е. тогда, когда онъ, получивъ указъ могилевской духовной консисторіи, почув-

---

1) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 60.

2) Кромѣ этой докладной записки мы нигдѣ не встрѣтили подобнаго ходатайства. Всего вѣроятнѣе, что оно было сдѣлано первоначально неоффиціально -только словесно—и въ частной бесѣдѣ.

3) Архивъ О. У. А. К., гражд. отд., дѣло отъ 5 сентября 1833 года, стр. 51.

ствовалъ уже твердую почву подъ собою. Анализируя содержаніе этой записки, нельзя не замѣтить, что что-то въ ней осталось невысказаннымъ и недоговореннымъ, что планы Зеленки шли гораздо дальше ходатайствъ, изложенныхъ въ докладной запискѣ, что—это только пробный шаръ, нащупываніе почвы для другого еще болѣе важнаго ходатайства. Такъ именно и понялъ это самъ В. А. Перовскій, какъ это можно видѣть изъ резолюціи, положенной имъ на докладной запискѣ Зеленки. Эта резолюція такова: „Прислуга назначена быть можетъ, на счетъ ходатайства о содержаніи затрудненій нѣтъ, но требовать церковную утварь, не имѣя мѣста для богослуженія, кажется нельзя: переговорите объ этомъ съ ксендзомъ“[1]). Кто велъ переговоры съ Зеленкой,—мы не знаемъ, но несомнѣнно, что они весьма многое уяснили не только В. А. Перовскому, но и самому Зеленкѣ, который уже 13 декабря 1835 года, т. е. спустя только двѣ недѣли послѣ этихъ переговоровъ, обратился въ могилевскую р.-католическую духовную консисторію съ рапортомъ о дозволеніи „освящать партикулярные дома“, т. е. частныя зданія, которые-бы заступали мѣсто церкви[2]). Въ основаніе своего рапорта Зеленко ставилъ примѣръ златоустовскаго католическаго священника, который во время своихъ наѣздовъ въ Оренбургъ пользовался для совершенія богослуженія зданіями частныхъ владѣльцевъ, но могилевская р.-католическая духовная консисторія не согласилась съ доводами Зеленки и указомъ отъ 10 февраля 1836 года увѣдомила его, что „на дозволеніе отправлять богослуженіе въ партикулярныхъ домахъ здѣшнее епархіальное начальство не имѣетъ—по правиламъ р.-католической церкви—власти отъ римскаго престола“[3]).

Получивъ такое неблагопріятное опредѣленіе могилевской р.-католической духовной консисторіи, Зеленко 28-го апрѣля 1836 года обратился съ такимъ-же точно рапортомъ и

---

1) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 51.
2) Тамъ же, стр. 61.
3) Тамъ же.

къ администратору могилевской р.-католической епархіи, „епископу и кавалеру Валеріану Каміонкѣ“, но и тотъ не нашелъ возможнымъ дать Зеленкѣ дозволеніе „освящать въ партикулярныхъ домахъ мѣста для совершенія богослуженія и отправленія требъ католикамъ, находящимся въ г. Оренбургѣ“. „Относительно-же того, добавлялъ епископъ Каміонко, что златоустовскій куратъ[1]) такимъ образомъ отправляетъ духовныя требы своимъ прихожанамъ, то сіе дѣлается на основаніи привиллегій римскаго престола, данныхъ священникамъ, состоящимъ въ сихъ должностяхъ въ удаленныхъ странахъ. Но вы какъ не состоите въ сей должности,[2]) а особенно, что по собственному желанію находитесь въ гор. Оренбургѣ, потому и не можете пользоваться сею привиллегіею“[3]).

Такимъ образомъ хлопоты Зеленки о пріобрѣтеніи мѣста для совершенія богослуженія оказались неудачными. Очевидно, что р.-католическое духовное начальство очень строго и ревниво оберегало права златоустовскаго курата и весьма могло случиться, что хлопоты Зеленки такъ-бы ничѣмъ и кончились, если-бы на помощь къ нему не пришелъ его постоянный покровитель, оренбургскій военный губернаторъ В. А. Перовскій.

Такъ какъ запрещеніе р.-католическимъ духовнымъ начальствомъ Зеленкѣ „освящать въ партикулярныхъ домахъ мѣста для совершенія богослуженія и отправленія требъ“ ложилось всею своею тяжестью прежде всего на католиковъ, находившихся на службѣ въ оренбургскомъ отдѣльномъ кор-

---

1) Куратами въ католической церкви называются священники, завѣдывающіе дѣлами паствы въ опредѣленныхъ округахъ подъ надзоромъ высшихъ духовныхъ властей. („Энциклоп. словарь“ бр. Гранатъ, т. V, стр. 2518).

2) Изъ этихъ словъ епископа Каміонки видно, что хотя католическое духовное начальство и дало Зеленкѣ право совершать богослуженіе и требы для оренбургскихъ католиковъ, но вовсе не хотѣло признать его оффиціально самостоятельнымъ оренбургскимъ католическимъ священникомъ, почему и повелѣло ему получать св. елей для таинства елеосвященія отъ златоустовскаго же курата или же отъ с.-петербургскаго декана (Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 61).

3) Тамъ-же стр. 62.

пусѣ, то В. А. Перовскій, какъ завѣдующій этимъ корпусомъ, 21 февраля 1837 года послалъ весьма обширное отношеніе къ министру внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ подробно указалъ на всѣ затрудненія, дѣлаемыя р.-католическимъ начальствомъ іеромонаху Зеленкѣ, вслѣдствіе чего онъ не можетъ осуществить фактически дарованное ему право „отправлять богослуженіе и требы“.[1]) Это отношеніе особенно интересно для насъ тѣмъ, что въ немъ В. А. Перовскій въ первый разъ оффиціально высказываетъ мысль о нуждѣ построенія въ Оренбургѣ хотя бы временной католической церкви. Вотъ что говоритъ В. А. Перовскій въ заключеніе своего отношенія: „Хотя по многочисленности въ Оренбургѣ католиковъ и нужно бы построить тамъ хотя временную католическую церковь, но по неимѣнію въ виду,—откуда бы можно было взять потребныя на это деньги, полагаю необходимымъ отводить для церкви помѣщеніе въ Оренбургѣ на правахъ, изложенныхъ въ циркулярномъ предписаніи вашего превосходительства отъ 21 марта 1836 года за № 1560, препровожденномъ ко мнѣ при отношеніи отъ 31 того же марта, на исполненіе чего и испрашиваю вашего, м. г., распоряженія“[2]).

Но министръ вн. дѣлъ однако не согласился съ такимъ рѣшеніемъ вопроса В. А. Перовскимъ и увѣдомилъ его, что, „если встрѣчаемыя епископомъ Каміонкою затрудненія р.-католическою духовною коллегіею будутъ устранены, то въ такомъ случаѣ было бы удобнѣе и приличнѣе отвести въ Оренбургѣ постоянное помѣщеніе для совершенія р.-католическаго богослуженія и преподаванія требъ“[3]).

Такъ какъ такое рѣшеніе спорнаго вопроса надолго отодвинуло бы нужду въ построеніи католической церкви, то В. А. Перовскій призналъ необходимымъ еще разъ заявить министру вн. дѣлъ, что „по значительному числу католиковъ, находящихся въ Оренбургѣ и въ окрестностяхъ этого города,

---

1) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 67.
2) Тамъ же, стр. 68.
3) Тамъ же, стр. 74.

было бы нужно построить хотя временную, т. е. деревянную, церковь", но по неимѣнію „денегъ на построеніе р.-католической церкви въ Оренбургѣ и свободнаго зданія, которое можно бы было обратить въ эту церковь, или отчасти для постояннаго ея помѣщенія", онъ вновь считаетъ нужнымъ просить разрѣшенія „отводить для упомянутой церкви помѣщеніе на основаніи циркулярнаго предписанія отъ 21 марта 1836 г."[1]).

Эти пререканія В. А. Перовскаго съ министромъ вн. дѣлъ закончились новымъ отношеніемъ министра вн. дѣлъ отъ 9 апрѣля 1837 года, въ которомъ послѣдній извѣстилъ В. А. Перовскаго, что р.-католическая духовная коллегія вслѣдствіе его (министра) предложенія предписала администратору могилевской епархіи—епископу Каміонкѣ „дозволить находящемуся въ Оренбургѣ р.-католическому священнику Зеліонкѣ освящать для богослуженія и исправленія духовныхъ требъ частные дома не только въ Оренбургѣ, но и въ другихъ мѣстахъ той губерніи, если встрѣтится къ тому надобность"[2]).

Вотъ какихъ хлопотъ стоило Зеленкѣ и В. А. Перовскому добиться дозволенія освящать для богослуженія и требъ частные дома, что было крайне нужно для Зеленки, задавшагося цѣлію сдѣлаться самостоятельнымъ католическимъ священникомъ въ Оренбургѣ. Этого онъ и достигъ, хотя и не такъ скоро, какъ, можетъ быть, предполагалъ самъ...

---

1) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 75-76.
2) Тамъ же, стр. 79.

V.

Опредѣленіе Зеленки католическимъ священникомъ въ отдѣльный оренбургскій корпусъ.

Хлопоты В. А. Перовскаго объ опредѣленіи Зеленки католическимъ священникомъ въ отдѣльный оренбургскій корпусъ.—Письмо его къ графу В. Ѳ. Адлербергу.—Рапортъ В. А. Перовскаго военному министру—графу Чернышеву.—Отношеніе военнаго министра В. А. Перовскому.—Пріѣздъ въ Оренбургъ р.-католическаго священника Августина Шолковскаго изъ Бѣлостока.—Смерть Шолковскаго.—Рапортъ начальника дивизіи г.-м. Эйсымонта В. А. Перовскому.—Новое ходатайство В. А. Перовскаго объ опредѣленіи Зеленки на должность р.-католическаго священника при отдѣльномъ оренбургскомъ корпусѣ.—Опредѣленіе Зеленки на должность корпусного священника.

Неудачный результатъ ходатайствъ самого Зеленки о дозволеніи ему освящать для богослуженія частные дома показалъ В. А. Перовскому, что р.-католическое духовное начальство слишкомъ ревниво оберегаетъ права и преимущества златоустовскаго священника и далеко не расположено поступиться ими въ пользу поднадзорнаго іеромонаха Зеленки. Тогда В. А. Перовскій, уже раньше своею собственною властію разрѣшившій Зеленкѣ совершать богослуженіе и требы въ Оренбургѣ[1]) и даже въ оренбургскомъ отдѣльномъ корпусѣ[2]),

---

1) „Р. Старина“ 1903 г., май, стр. 282.

2) Косвеннымъ подтвержденіемъ нашихъ словъ можетъ служить то обстоятельство, что В. А. Перовскій еще 21 февраля 1837 года передалъ все „Дѣло“ о Зеленкѣ въ т. н. корпусное дежурство. (Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 года, стр. 123). Тогда же В. А. Перовскій „изволилъ препроводить (Зеленкѣ) книгу на записку денегъ, завѣщанныхъ умершими на богоугодныя заведенія“. (Тамъ же, стр. 122).

рѣшилъ прямо хлопотать объ опредѣленіи іеромонаха Зеленки католическимъ священникомъ въ отдѣльный оренбургскій корпусъ. Съ этою цѣлію онъ еще 18 іюня 1836 года, т. е. задолго до окончанія дѣла о дозволеніи освящать частные дома для богослуженія, обратился къ своему бывшему сослуживцу по Петербургу и любимцу императора Николая Павловича[1])—графу Влад. Ѳедор. Адлербергу съ полуоффиціальнымъ письмомъ, въ которомъ просилъ его исходатайствовать высочайшее соизволеніе на утвержденіе его предположеній объ опредѣленіи іеромонаха Зеленки священникомъ въ отдѣльный оренбургскій корпусъ[2]).

Но это письмо В. А. Перовскаго, повидимому, не имѣло никакого успѣха, такъ какъ 22 февраля 1837 года онъ послалъ уже особый рапортъ военному министру—графу Чернышеву. Въ этомъ рапортѣ В. А. Перовскій просилъ военнаго министра назначить въ отдѣльный оренбургскій корпусъ по примѣру кавказскаго отдѣльнаго корпуса особаго католическаго священника съ содержаніемъ наравнѣ съ пѣхотными капитанами и съ готовою квартирою,—и „замѣстить эту должность проживающимъ въ г. Оренбургѣ іеромонахомъ доминиканскаго ордена Кандидомъ Зеленкой, которому по распоряженію г. министра вн. дѣлъ разрѣшено уже отправлять богослуженіе“[3]).

Отвѣтомъ на этотъ рапортъ В. А. Перовскаго послужило отношеніе военнаго министра отъ 29 іюня того-же 1837 года. Это отношеніе было далеко не утѣшительно... Утвердивъ общія предположенія В. А. Перовскаго о назначеніи особаго католическаго священника въ отдѣльный оренбург-

---

1) Императоръ Николай Павловичъ, по его собственнымъ словамъ, любилъ своего адьютанта—графа В. Ѳ. Адлерберга „какъ своего брата“ „Энцик. словарь“ т-ва бр. Гранатъ, т. I, стр. 83). В. А. Перовскій одно время тоже состоялъ адьютантомъ императора Николая Павловича и на его долю выпала честь первымъ извѣстить императора о рожденіи его сына Александра—впослѣдствіи императора Александра II. („Р. Старина“ 1896 г., май, статья Юдина: В. А. Перовскій въ оренбургскомъ краѣ“).

2) Архивъ О. У. А. К. отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 55.

3) Тамъ же, стр. 71.

скій корпусъ, военный министръ относительно Зеленки написалъ слѣдующее: „Касательно же ходатайства вашего о проживающемъ въ Оренбургѣ іеромонахѣ доминиканскаго ордена Кандидѣ Зеленкѣ, то на опредѣленіе его р.-католическимъ священникомъ въ отдѣльный оренбургскій корпусъ его императорскому величеству не благоугодно былъ изъявить монаршее соизволеніе". Увѣдомляя объ этомъ В. А. Перовскаго, графъ Чернышевъ присовокупилъ, что о назначеніи въ отдѣльный оренбургскій корпусъ священника р.-католическаго исповѣданія сообщено министру вн. дѣлъ, а о производствѣ слѣдующаго ему изъ казны содержанія сдѣлано распоряженіе по военному министерству[1]).

Такимъ образомъ хлопоты В. А. Перовскаго объ опредѣленіи Зеленки священникомъ въ отдѣльный оренбургскій корпусъ окончились, повидимому, полной неудачей. Но эта неудача была только временной и нисколько не помѣшала іеромонаху Зеленкѣ сдѣлаться впослѣдствіи священникомъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса и „капелланомъ 22-й пѣхотной дивизіи", о чемъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ генералъ Н. Г. Залѣсовъ.[2]) Судьба еще не совсѣмъ отвернулась отъ Кандида Зеленки...

Хотя въ началѣ сентября 1838 года въ Оренбургъ и прибылъ назначенный въ отдѣльный оренбургскій корпусъ р.-католическій священникъ „изъ области Бѣлостокской"[3]) — нѣкто Августинъ Шолковскій, но онъ недолго занималъ свое мѣсто, такъ какъ, будучи не привыченъ къ суровому климату оренбургскаго края, вскорѣ-же по пріѣздѣ заболѣлъ и „послѣ четырехнедѣльной болѣзни волею Божіею померъ 6 декабря 1838 года",[4]) о чемъ начальникъ штаба 22-й пѣхотной диви-

1) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г. стр. 86—87. Это распоряженіе военнаго министра В. А. Перовскій тотчасъ по полученіи его во время своего пребыванія въ г. Уральскѣ объявилъ особыми приказами какъ отдѣльному оренбургскому корпусу, такъ и начальнику корпусного штаба. Это было сдѣлано 23 іюля 1837 г. (Тамъ же, стр. 89—90).

2) „Р. Старина" 1903 г., май, стр. 282.

3) Архивъ О. У. А. К, отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 года. стр. 102.

4) Тамъ же.

зіи генералъ-майоръ Эйсымонтъ и донесъ В. А. Перовскому своимъ рапортомъ отъ 10 декабря 1838 года.

Донося о смерти Шолковскаго, г.-м. Эйсымонтъ между прочимъ высказалъ въ своемъ рапортѣ слѣдующую просьбу:

„Обстоятельство сіе передавая на благоусмотрѣніе вашего превосходительства, покорнѣйше прошу исходатайствовать высочайшее соизволеніе па назначеніе на мѣсто умершаго священника Шолковскаго находящагося въ г. Оренбургѣ доминиканскаго ордена ксендза—префекта Кандида Зеленку, который, какъ извѣстно лично вашему превосходительству, нѣсколько лѣтъ находясь въ городѣ, своею скромною жизнію снискалъ общее знающихъ его уваженіе, сверхъ сего привыкъ къ здѣшнему довольно суровому климату и по свѣдѣніямъ своимъ можетъ быть весьма полезнымъ для блага своихъ единовѣрцевъ“[1]).

Эта оффиціальная просьба г.-м. Эйсымонта, весьма сходная съ просьбою г.-м. Станислава Ціолковскаго,[2]) напомнила В. А. Перовскому о неудачѣ, постигшей его ходатайство объ опредѣленіи ксендза Зеленки корпуснымъ священникомъ и снова возбудила его энергію къ достиженію намѣченной первоначально цѣли. Поэтому 30 января 1839 года, въ бытность свою въ Петербургѣ, В. А. Перовскій вошелъ къ военному министру съ новымъ представленіемъ такого содержанія: „Принимая во вниманіе съ одной стороны, что до назначенія покойнаго Шолковскаго значительное время р.-католики ввѣреннаго мнѣ корпуса оставались безъ священника, что назначеніе новаго на мѣсто умершаго можетъ замедлиться и что отъ этого происходятъ неудобства, изложенныя въ рапортѣ моемъ за № 725, а съ другой,—имѣя въ виду, что бывшій префектъ гродненской гимназіи—ксендзъ Кандидъ Зеленко мнѣ извѣстенъ, какъ человѣкъ кроткій, надежный, ни въ чемъ неблагонамѣренномъ не замѣченный и даже въ

---

1) Архивъ О. Уч. Арх. Ком, отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 102.
2) Тамъ же, стр. 25.

нѣкоторыхъ случаяхъ употребленъ былъ мною съ пользою,[1]) я вновь осмѣливаюсь утруждать ваше сіятельство моею покорнѣйшею просьбою объ исходатайствованіи высочайшаго соизволенія на опредѣленіе его во ввѣренный мнѣ корпусъ р.-католическимъ священникомъ на мѣсто умершаго ксендза Шолковскаго"[2]).

Такъ какъ В. А. Перовскій ѣздилъ въ Петербургъ на этотъ разъ всего вѣрнѣе для того, чтобы ознакомить государя и военнаго министра съ своимъ проектомъ похода въ Хиву, который и состоялся зимой того-же 1839 г.,[3]) то весьма возможно, что—въ виду предстоящихъ В. А. Перовскому военныхъ тревогъ—въ Петербургѣ не хотѣли огорчать его отказомъ и поэтому на этотъ разъ уже безъ всякихъ затрудненій утвердили его представленіе объ опредѣленіи іеромонаха Кандида Зеленки священникомъ въ отдѣльный оренбургскій корпусъ. Это видно изъ отношенія военнаго министра отъ 15 мая 1839 года за № 2046, въ которомъ онъ извѣстилъ В. А. Перовскаго, что государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: „католическимъ священникомъ въ отдѣльный оренбургскій корпусъ на мѣсто умершаго ксендза Шолковскаго опредѣлить проживающаго въ Оренбургѣ іеромонаха Кандида Зеленку"[4]).

Это отношеніе военнаго министра было получено въ Оренбургѣ 2 іюня 1839 года, а 5 іюня В. А. Перовскій уже извѣстилъ объ опредѣленіи Зеленки начальника 22-й пѣхотной дивизіи г.-м. Эйсымонта.[5]) Такое-же извѣщеніе послалъ В. А. Перовскій и оренбургскому гражданскому губернатору,

---

1) Эта фраза вписана въ черновикъ „представленія" собственноручно В. А. Перовскимъ.

2) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 104.

3) Какъ извѣстно, этотъ зимній походъ В. А. Перовскаго по случаю необычайно жестокой и многоснѣжной зимы окончился полной неудачей: изъ 5-ти тысячнаго экспедиціоннаго отряда погибло до 4-хъ тысячъ человѣкъ. Огорченный этой неудачей, В. А. Перовскій въ 1842 г. „по болѣзни" оставилъ свой постъ и уѣхалъ лѣчится за-границу. Зимній походъ В. А. Перовскаго въ Хиву въ 1839 г. описанъ И. Н. Захарьинымъ въ апрѣльской книжкѣ „Русскаго Архива" за 1891 г.

4) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г. стр. 118.

5) Тамъ же, стр. 119.

добавивъ ему, чтобы онъ распорядился о прекращеніи отпуска изъ казны кормовыхъ денегъ ксендзу Зеленкѣ[1]).

Того-же 5 іюня поспѣшилъ В. А. Перовскій увѣдомить объ опредѣленіи Зеленки и новаго министра вн. дѣлъ—графа Строганова[2]). Съ этого именно времени и сталъ числиться іеромонахъ Кандидъ Зеленко священникомъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса и капелланомъ 22-й пѣхотной дивизіи, въ которую входили всѣ оренбургскіе баталіоны того времени[3]).

Такимъ образомъ не даромъ іеромонахъ Кандидъ Зеленко самъ изъявилъ желаніе быть высланнымъ въ Оренбургскую губернію: здѣсь онъ пріобрѣлъ и почетное положеніе корпуснаго священника и весьма приличное по тому времени содержаніе. Зеленкѣ было положено жалованье „наравнѣ съ пѣхотными капитанами“, т. е. 205 р. 80 копѣекъ *серебромъ* въ годъ и кромѣ того ему давалась даровая прислуга и квартира[4]).

Тогда же, т. е. въ томъ же 1839 году, Зеленкѣ разрѣшено было устройство въ Оренбургѣ походной католической церкви и общественное служеніе въ ней. Для помѣщенія церкви былъ снятъ у акушерки Матони домъ съ арендною платою по 200 рублей въ годъ; аренду обязались уплачивать будущіе прихожане[5]). Докторъ философіи Ѳедоръ Ивановичъ Базинеръ, посѣтившій Оренбургъ въ 1842 году, въ своемъ описаніи Оренбурга въ числѣ городскихъ зданій упоминаетъ и о католическомъ *деревянномъ* костелѣ[6]). Въ виду этого указанія можно думать, что въ данное время католическая церковь помѣщалась уже не въ домѣ акушерки Матони, а въ особо устроенномъ деревянномъ зданіи, чего и добивался усиленно Зеленко.

---

1) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 119.
2) Тамъ же, стр. 121.
3) „Р. Старина“ 1903 г., апрѣль, стр. 53.
4) Архивъ О. У. А. К., отд гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 133 и 86.
5) „Оренбургскій Листокъ“ 1889 года, № 16 и „Изъ прошлаго оренбургскаго края“. П. Н. Столпянскаго (Оренбургъ 1906 года, стр. 300). Мужъ акушерки Матони—титулярный совѣтникъ Матони былъ учителемъ фехтованія въ Неплюевскомъ военномъ училищѣ. (Архивъ О. У. А. К., отд. погран., дѣло отъ 24 апрѣля 1846 года).
6) „Труды“ О. У. А. К., вып. XI, стр. 6, ст. г. Гра.

VI.

Пастырская дѣятельность Зеленки.

Назидательныя поученія Зеленки католикамъ.—Награжденіе Зеленки деньгами и золотымъ наперстнымъ крестомъ.—Самоотверженная дѣятельность Зеленки въ холеру 1848 года.—Построеніе Зеленкой польскаго костела въ Оренбургѣ.

О пастырской дѣятельности Зеленки мы знаемъ очень мало, но и того, что извѣстно намъ, вполнѣ достаточно, чтобы понять,—почему такъ настойчиво и энергично добивался В. А. Перовскій его опредѣленія священникомъ въ отдѣльный оренбургскій корпусъ. О главномъ направленіи пастырской дѣятельности Зеленки свидѣтельствуютъ намъ слѣдующія слова оренбургскаго военнаго губернатора В. А. Обручева[1]): „Священникъ Зеленко, писалъ В. А. Обручевъ, постоянно усердною службою, отлично хорошимъ поведеніемъ, нравственностью и тѣмъ, что ни въ чемъ неблагонамѣренномъ не былъ замѣченъ, заслуживаетъ вниманія начальства, а назидательными поученіями католиковъ, въ числѣ которыхъ находится значительное число политическихъ преступниковъ во ввѣренномъ мнѣ корпусѣ, поддерживаетъ въ нихъ добрую нравственность, усердіе къ службѣ, безусловное повиновеніе начальству и совѣтами своими удерживаетъ (ихъ) отъ предосудительныхъ поступковъ, такъ что до сего времени не было никакого важнаго происшествія“[2]).

---

1) Генералъ отъ-инфантеріи Владиміръ Аѳанасьевичъ Обручевъ былъ оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ съ 1842 года по 22 марта 1851 года. Послѣ его удаленія оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ снова былъ назначенъ В. А. Перовскій, излѣчившійся отъ своей болѣзни, полученной имъ послѣ неудачнаго зимняго похода на Хиву (въ 1839 г.) и заставившей его временно покинуть любимый имъ оренбургскій край.

2) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 года, стр. 133.

Изъ этихъ словъ казеннаго рапорта нельзя не видѣть, что пастырская дѣятельность Зеленки главнымъ образомъ направлялась къ тому, чтобы сдерживать политическія страсти своихъ единовѣрцевъ и соотечественниковъ, вслѣдствіе чего они, говоря языкомъ нынѣшняго времени, не дѣлали никакихъ политическихъ выступленій. Поступая такимъ образомъ, Зеленко, вѣроятно, разсуждалъ такъ: „Нѣтъ ничего легче, какъ поссориться съ мѣстнымъ губернаторомъ, но гораздо труднѣе и почетнѣе сидѣть на мѣстѣ, мучиться, бороться, хлопотать для того, чтобы не оставить этотъ только что образовавшійся приходъ снова безъ пастыря и учителя, дарованнаго ему Богомъ“. Это разсужденіе, какъ мы думаемъ, и было господствующимъ мотивомъ всѣхъ назидательныхъ поученій Зеленки, который, какъ человѣкъ уравновѣшенный и дальновидный, не могъ сочувствовать безцѣльнымъ и безсильнымъ манифестаціямъ и поэтому ради религіозныхъ цѣлей, ради большихъ удобствъ своихъ единовѣрцевъ при отправленіи религіозныхъ обязанностей призывалъ ихъ къ безусловному повиновенію начальству. Въ этомъ-то, по всей вѣроятности, и заключались тѣ „скромные и добросовѣстные труды“, о которыхъ писалъ самъ Зеленко въ своей докладной запискѣ отъ 2 мая 1835 года[1]). Весьма возможно, что и В. А. Перовскій имѣлъ въ виду эти-же самые труды Зеленки, когда въ своемъ рапортѣ отъ 30 января 1836 года писалъ военному министру, что „ксендзъ Кандидъ Зеленко въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребленъ былъ мною съ пользою“[2]).

Вотъ почему прежде всего В. А. Перовскій такъ усиленно домогался опредѣленія Зеленки священникомъ во ввѣренный его попеченію отдѣльный оренбургскій корпусъ. Какъ „превосходный администраторъ и тонкій политикъ, умѣвшій твердо держать въ рукахъ бразды правленія“[3]), В. А. Перовскій несомнѣнно, очень высоко цѣнилъ умиротворяющее вліяніе

---

1) Архивъ О. У. А. К., гражд. отд., дѣло отъ 5 сент. 1833 г., стр. 37.

2) Тамъ же, стр. 104.

3) „Оренбургская епархія“ Н. Чернавскаго, т. II, стр. 431.

яніе Зеленки на его единовѣрцевъ и соотечественниковъ, и поэтому старался всячески награждать его своимъ неизмѣннымъ покровительствомъ и содѣйствіемъ его планамъ.

Немало цѣнилъ это вліяніе Зеленки и преемникъ В. А. Перовскаго—генералъ отъ инфантеріи В. А. Обручевъ, по представленію котораго священникъ Зеленко, по высочайшему соизволенію, 3-го февраля 1847 года удостоился получить въ награду годовой окладъ жалованья—205 р. 80 к. серебромъ[1]). 25 ноября 1850 года генералъ В. А. Обручевъ представилъ Зеленку къ награжденію орденомъ св. Анны 3-й степени, но вмѣсто того онъ былъ награжденъ золотымъ наперстнымъ крестомъ[2]), который и хранится доселѣ въ музеѣ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи и который пожертвованъ сюда, какъ мы слышали, М. Д. г-жей Нехорошевой.

Особенно ревностную и самоотверженную пастырскую дѣятельность проявилъ Зеленко въ 1848 году, когда, напутствуя больныхъ и умирающихъ отъ холеры, онъ безбоязненно шелъ на встрѣчу смерти. 1848 годъ памятенъ всей Россіи по сильному развитію холеры, которая почему-то была весьма губительна преимущественно въ Оренбургѣ и произвела здѣсь такую панику, что не только занятія въ присутственныхъ мѣстахъ, а даже и „церковныя службы, по словамъ генерала И. В. Чернова, почти прекратились“[3]). И вотъ въ это-то тяжелое время изъ всего оренбургскаго духовенства только Зеленко да священникъ Петропавловской военной церкви о. Стефанъ Содальскій „отличились геройскимъ самоотверженіемъ“[4]).

Ко времени пребыванія Зеленки священникомъ оренбург-

---

1) Архивъ О. У. А. К., отд. граж., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 133. Чтобы по достоинству оцѣнить значеніе этой награды Зеленкѣ, нужно принять во вниманіе, что по штатамъ 1841 года на весь оренбургскій соборный причтъ положено было годового жалованія 290 руб. 14 коп. серебромъ, а на причтъ Георгіевской въ Форштадтѣ церкви—полагалось всего только 28 р. 57 к. („Оренб. епархія“ Н. Чернавскаго, т. II стр. 525).

2) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд, дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 133 и 134.

3) Архивъ О. У. А. К., рукописи С. Н. Севастьянова, связка 3-я, тетрадь 1-я; ср. „Р. Старину“ 1903 г., май, стр. 269.

4) „Сѣверная Пчела“ 1861 г., № 74 и „Р. Старина“ 1903 г., май, стр. 270.

скаго отдѣльнаго корпуса относится и такое важное событіе какъ построеніе въ Оренбургѣ каменнаго польскаго костела. Мысль о построеніи польскаго костела возникла у Зеленки, камъ можно думать, еще въ то время, когда онъ началъ хлопотать о разрѣшеніи ему совершать духовныя требы для своихъ единовѣрцевъ, проживающихъ въ Оренбургѣ, и конечно не безъ его вліянія В. А. Перовскій въ своемъ отношеніи къ министру вн. дѣлъ отъ 21 февраля 1837 года проводилъ мысль, что въ Оренбургѣ „нужно бы было построить, хотя временную, католическую церковь“[1]), какъ мы уже говорили объ этомъ въ своемъ мѣстѣ, но тогда эта мысль не могла быть приведена въ исполненіе прежде всего потому, что не было еще средствъ къ тому[2]). Теперь-же, когда Зеленко сдѣлался корпуснымъ священникомъ и когда онъ получилъ право принимать пожертвованія не только отъ умершихъ, но и живыхъ[3]), можно было приступить и къ осуществленію этой мысли—о построеніи костела въ Оренбургѣ. Какихъ хлопотъ стоилъ Зеленкѣ сборъ необходимой на постройку костела суммы,—мы не знаемъ; не знаемъ также и того, какія формальныя затрудненія пришлось преодолѣть ему прежде, чѣмъ приступить къ постройкѣ костела, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что „его стараніями, какъ говоритъ современникъ Зеленки—генералъ Н. Г. Залѣсовъ[4]), построенъ въ Оренбургѣ хорошій костелъ съ особымъ домикомъ для священника и по подпискѣ заведенъ прекрасный органъ“[5]).

Для построенія костела, говоритъ Королевъ-Антошечкинъ, было избрано „то самое мѣсто, въ 1-й части города, на площади, около Преображенской улицы, на которомъ таковой стоитъ донынѣ“.

„Закладка костела совершена была 30 ноября 1844 года;

---

1) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г. стр. 68.

2) Тамъ же.

3) Тамъ же, стр. 123.

4) О генералѣ Ник. Гавр. Залѣсовѣ можно читать въ журналѣ „Русская Старина“ 1903 г., апрѣль, стр. 41-42.

5) „Русская Старина“ 1903 года, май, стр. 283.

въ слѣдующемъ 1845 году костелъ оконченъ былъ вчернѣ; въ 1846 году была произведена въ немъ внутренняя отдѣлка, а въ 1847 году онъ отстроенъ былъ совсѣмъ и 16 ноября ксендзомъ Зеленкой освященъ".

„Имѣющаяся въ костелѣ церковная утварь была пріобрѣтена въ г. Вильнѣ тамошними благотворителями и пожертвована въ костелъ чрезъ виленскаго католическаго епископа І. Цывинскаго, который прислалъ таковую еще въ 1844 году губернатору Обручеву, а этотъ послѣдній передалъ ее по принадлежности ксендзу Зеленкѣ"[1]).

Что же касается органа, о которомъ упоминаетъ генералъ Залѣсовъ, то таковой пріобрѣтенъ былъ для костела въ 1846 году исключительно заботами генерала Обручева[2]), какъ утверждаетъ г. Королевъ-Антошечкинъ.

Заботы оренбургскаго военнаго губернатора Обручева о католическомъ костелѣ, повидимому, шли гораздо дальше этого... Католическій епископъ Францискъ Симонъ, обозрѣвавшій свою епархію и посѣтившій въ 1893 году оренбургскій костелъ, выразилъ въ своей проповѣди особенную радость по поводу того, что „*русская казна* построила для католиковъ храмъ даже на далекой окраинѣ востока"[3])... Въ виду такого категорическаго заявленія епископа Симона можно предполагать, что Зеленко, не особенно обременялъ свою паству сборами на построеніе оренбургскаго костела. Генералъ Обручевъ, очевидно, исхлопоталъ не только безвозмездную уступку земли подъ костелъ, но и необходимыя средства для его построенія.

„Католическій костелъ обнесенъ кругомъ довольно красивой оградой, состоящей изъ каменнаго фундамента съ деревянной рѣшеткой,—въ косѣ растутъ разныя деревья и кустарники".

„Къ оградѣ этой съ южной стороны примыкаетъ еще осо-

---

1) Оренбургскій Листокъ" 1889 года, № 16.
2) Тамъ же.
3) „Оренбургскій Листокъ" 1893 года, № 31).

бый садикъ, огороженный съ трехъ сторонъ деревяннымъ полисадникомъ, въ которомъ находятся два деревянные домика, занимаемые квартирою ксендза и церковнослужителя".

„Зданіе костела—каменное, четырехугольное, продолговатое и довольно высокое съ желѣзною крышею въ два ската. Алтарная часть зданія полукруглая съ такою же крышею. Окна узкія и высокія. Верхъ зданія снаружи украшенъ только колокольнею, построенною надъ передней частію онаго, низкою и четырехугольною съ полуплоской четырехскатной крышей. Крестовъ на зданіи два, изъ коихъ одинъ—надъ алтаремъ, а другой—надъ колокольнею".

„Вообще внѣшній видъ храма по архитектурѣ и весь костелъ не лишенъ изящества и достаточнаго благолѣпія—особенно послѣ ремонта, произведеннаго стараніемъ о. Вивульскаго"[1]).

Находимъ умѣстнымъ попутно отмѣтить здѣсь слѣдующій случай, происшедшій еще во время настоятельства Зеленки. Однажды оренбургскому губернатору В. А. Обручеву донесли, что въ мѣстномъ костелѣ по вечерамъ видѣнъ огонь и что тамъ собираются на тайныя сходки ссыльные поляки. Получивъ это донесеніе, В. А. Обручевъ въ сопровожденіи плацъ-майора Халецкаго и полицеймейстера, полковника Демостино, нагрянулъ внезапно вечеромъ къ костелу и, замѣтивъ тамъ свѣтъ, тотчасъ потребовалъ ксендза Зеленку и приказалъ ему отворить костелъ. Когда вошли во внутренность его, то въ немъ никого не оказалось и В. А. Обручеву пришлось извиниться передъ ксендзомъ Золенкой за излишнюю поспѣшность: не трудно было убѣдиться въ томъ, что свѣтъ въ костелѣ происходилъ отъ лучей заходящаго солнца, ударявшаго прямо въ разноцвѣтныя стекла оконъ алтаря[2]).

---

1) „Оренбургскій Листокъ" 1889 года, № 16. Вивульскій былъ назначенъ ксендзомъ оренб. костела вмѣсто ксендза Якушкевича, въ квартирѣ котораго и въ костелѣ былъ произведенъ обыскъ по предписанію отъ 20 сентября 1864 г. (Архивъ О. У. А. К., отд. секрет., дѣло отъ 20 сентября 1864 года). Въ 1866 году былъ произведенъ обыскъ и у самаго Вивульскаго. (Тамъ же, дѣло отъ 4 августа 1866 года).

2) „Историческій Вѣстникъ" 1905 года, апрѣль, стр. 47.

VII.

Благотворительная дѣятельность Зеленки.

Завѣщаніе рядового Блащинскаго.—Выдача Зеленкѣ книги для записи пожертвованій „на богоугодныя заведенія".—Секретарство Зеленки въ обществѣ посѣщенія бѣдныхъ.—Участіе Зеленки въ устройствѣ заведенія для обученія бѣдныхъ дѣвочекъ шитью и рукодѣльямъ.

Имя оренбургскаго польскаго ксендза Михаила Зеленки тѣсно связано не только съ построеніемъ польскаго костела въ Оренбургѣ, но и съ первыми попытками устройства здѣсь общественныхъ благотворительныхъ организацій.

Благотворительная дѣятельность Зеленки, какъ можно думать, началась еще на первыхъ порахъ его пребыванія въ Оренбургѣ. Мы уже видѣли, что Зеленко вскорѣ же по пріѣздѣ сюда началъ совершать богослуженія и требы для своихъ единовѣрцевъ. Весьма возможно, что въ благодарность за своевременно поданную духовную помощь единовѣрцы Зеленки стали жертвовать ему предъ своею смертію различныя суммы на благотворительныя цѣли въ полное его распоряженіе. Этими суммами онъ и распоряжался первоначально совершенно безконтрольно и безсистемно до тѣхъ поръ, пока можно было это дѣлать негласно. Но сами обстоятельства заставили его впослѣдствіи регламентировать это дѣло и придать ему болѣе или менѣе прочную организацію. Такимъ обстоятельствомъ мы считаемъ пожертвованіе 6 руб. и 50 к., поступившее къ нему по завѣщанію умершаго рядового Блащинскаго, служившаго въ одной изъ ротъ 2-го оренбургскаго линейнаго баталіона. Такъ какъ завѣщатель

состоялъ на военной службѣ и завѣщалъ свою лепту формально, то и приведеніе этого завѣщанія въ исполненіе не могло обойтись безъ вѣдома высшаго начальства, каковымъ въ то время былъ оренбургскій военный губернаторъ В. А. Перовскій. Когда дѣло о завѣщаніи Блащинскаго было доложено Перовскому, то послѣдній 21 февраля 1837 года далъ такое предписаніе іеромонаху доминиканскаго ордена Зеленкѣ: „по докладу мнѣ возвращаемаго при семъ отношенія къ вамъ командующаго 1-ю ротою линейнаго оренбургскаго №-ра 2 баталіона *объ отказанныхъ въ распоряженіе ваше умершимъ рядовымъ Блащинскимъ шести рубляхъ пятидесяти копѣйкахъ серебромъ* разрѣшаю вамъ, какъ эти деньги, такъ и впредь подобнымъ образомъ завѣщаемыя принимать и записывать въ препровождаемую при семъ шнуровую книгу, употребляя ихъ въ расходъ сообразно волѣ завѣщателей по предварительномъ полученіи отъ меня разрѣшеній“ [1]).

Это оффиціальное разрѣшеніе В. А. Перовскаго Зеленкѣ принимать въ свое полное распоряженіе деньги, завѣщаемыя на богоугодныя заведенія, и послужило, какъ мы думаемъ, началомъ той широкой благотворительной организаціи, которая впослѣдствіи выразилась въ формѣ оффиціально признаннаго общества посѣщенія бѣдныхъ, существующаго и до сихъ поръ въ Оренбургѣ подъ нѣсколько измѣненнымъ названіемъ „общества вспомоществованія бѣднымъ по г. Оренбургу“ [2]).

---

1) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 69.

2) Общество посѣщенія бѣдныхъ было переименовано въ общество вспомоществованія бѣднымъ по г. Оренбургу уже послѣ смерти Зеленки—въ 1861 году. Въ 1865 году это общество для усиленія своихъ средствъ исходатайствовало себѣ право на монопольную продажу въ Оренбургской губерніи игральныхъ картъ. (Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 20 іюля 1865 г., стр. 1). Къ 1 октября 1870 г. въ кассѣ комитета общества вспомоществованія бѣднымъ состояло на лицо, „кромѣ билетовъ на 1296 р. 94 к. и серій на 350 р., наличными деньгами 479 р. 17 3/4 коп.“ Изъ процентовъ съ билетовъ и пожертвованій, поступавшихъ въ кассу комитета, уплачивалось „жалованье лицамъ въ 5 участковыхъ школахъ“, содержались пансіонерки, выдавалось вспомоществованіе бѣднымъ „6 участковъ“ г. Оренбурга и пріобрѣтались „учебныя пособія въ 5 участковыхъ школахъ“. (Тамъ-же, стр. 123—124). Въ послѣд-

Такъ какъ разрѣшеніе, данное В. А. Перовскимъ 21 февраля 1837 года, уполномачивало Зеленку на сборъ только тѣхъ пожертвованій, которыя поступали по завѣщаніямъ умершихъ, то впослѣдствіи (11 января 1841 г.) Зеленко для увеличенія благотворительныхъ капиталовъ особой докладной запиской отъ 27 декабря 1840 года[1]) испросилъ себѣ „новую книгу для вписыванія добровольныхъ приношеній какъ завѣщаемыхъ умершими, такъ и *другими желающими*“[2]).

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ рукою никакихъ данныхъ, которыя знакомили-бы насъ съ размѣрами благотворительности, практиковавшейся Зеленкой... Но несомнѣнно, что, какъ монахъ католической церкви, въ которой дѣло благотворительности всегда было поставлено хорошо и прочно, Зеленко очень широко использовалъ свое право завѣдыванія благотворительными капиталами, такъ что пріобрѣлъ репутацію „общаго благодѣтеля“[3]). Особенно большую благотворительную дѣятельность проявилъ Зеленко, хотя и подъ чужимъ флагомъ, во время управленія краемъ Влад. Аѳ. Обручева, смѣнившаго графа В. А. Перовскаго.

„Всѣмъ извѣстно, говоритъ генералъ Н. Г. Залѣсовъ, что жены главныхъ начальниковъ въ провинціи чрезвычайно любятъ брать на себя, хотя-бы не имѣли ни малѣйшаго понятія о дѣлѣ,—роль попечительницъ бѣдныхъ того края, кото-

---

нее время дѣятельность общества вспомоществованія бѣднымъ выражается въ выдачѣ бѣднымъ безплатнаго топлива, въ уплатѣ за квартиры, въ раздачѣ одежды и другихъ видахъ помощи. Съ 15 декабря 1911 года обществомъ вспомоществованія бѣдныхъ открыта по случаю голода безплатная столовая *въ собственномъ домѣ* общества—въ помѣщеніи столовой дневного пріюта, гдѣ отпускается ежедневно до 160 обѣдовъ. (Газета „Оренбургскій Край“ 1911 г., № 279). Попечителемъ общества состоитъ нынѣ оренбургскій генералъ-губернаторъ Николай Александровичъ Сухомлиновъ, а предсѣдательницей комитета общества—Евгенія Ивановна Амелунгъ (тамъ же, № 253). Оренбургское общество посѣщенія бѣдныхъ, переименованное впослѣдствіи въ общество вспомоществованія бѣднымъ по г. Оренбургу, было основано по примѣру петербургскаго общества посѣщенія бѣдныхъ („Сѣверная Пчела“ 1861 года, № 74), которое возникло по иниціативѣ князя В. Ѳ. Одоевскаго и было высочайше утверждено 12 апрѣля 1846 года. („Русскій Архивъ“ 1874 года, № 2, стр. 265—267).

1) Архивъ О. У. А. К., гражд. отд., дѣло отъ 5 сентября 1833 года, стр. 122.

2) Тамъ же, стр. 123.

3) „Р. Старина“ 1903 года, май, стр. 283.

рымъ управляетъ мужъ; такъ было и здѣсь. Но супруга генерала Обручева слишкомъ высоко была поставлена, чтобы лазить по грязнымъ лачужкамъ и удостовѣряться въ бѣдности просителя, ея нервы не выносили вида разныхъ страданій, которымъ преимущественно подвергается бѣдное человѣчество; наконецъ, она сама не могла производить лично всѣхъ выдачъ и собирать деньги, не знала, какъ вести счеты и проч., а потому на первыхъ-же порахъ ей понадобился человѣкъ, который сумѣлъ-бы все это сдѣлать и вмѣстѣ съ тѣмъ вселить въ бѣдныхъ городскихъ жителяхъ убѣжденіе, что ангеломъ хранителемъ ихъ служитъ исключительно супруга главнаго начальника. Для подобныхъ условій подходящимъ лицомъ въ Оренбургѣ только и могъ быть одинъ Зеленко, пользовавшійся уже и прежде (т. е. при Перовскомъ) репутаціей общаго благодѣтеля, и потому выборъ генеральши, конечно, остановился на немъ[1]); она взяла его въ секретари по дѣламъ бѣдныхъ, сдѣлавъ въ то-же время милостынераздавателемъ"[2]).

Чтобы увеличить средства общества посѣщенія бѣдныхъ, генеральша Обручева устраивала т. н. благородные спектакли[3]), которые въ то время были еще новинкою и въ которыхъ „дѣйствующими лицами были адъютанты, офицеры генеральнаго штаба, инженеры и дамы военнаго округа"[4]). Само собою разумѣется, что какъ секретарь общества посѣщенія бѣдныхъ, обязанный подчиняться распоряженіямъ предсѣдательницы, и Зеленко долженъ былъ принимать дѣятельное участіе въ устройствѣ этихъ благотворительныхъ затѣй генеральши Обручевой.

Но когда впослѣдствіи—послѣ удаленія генерала Обру-

---

1) Выборъ генеральши Обручевой могъ остановиться на Зеленкѣ, по нашему мнѣнію, еще и потому, что она была нѣмка („Р. Стар." 1903 года, май, стр. 282) и, быть можетъ, даже и католичка.

2) Записки Н. Г. Залѣсова". („Р. Старина" 1903 г., май, стр. 283).

3) „Р. Старина" 1903 г., май, стр. 282. Въ Оренбургѣ того времени не было театра. (Тамъ же, апрѣль, стр. 64).

4) Тамъ же, май, стр. 289.

чева—оренбургскимъ губернаторомъ вновь былъ назначенъ „холостякъ“[1]) В. А. Перовскій, Зеленко снова сталъ самостоятеленъ въ дѣлахъ благотворенія и завѣдыванія обществомъ посѣщенія бѣдныхъ[2]). Въ это именно время Зеленко, какъ можно предполагать, устроилъ „и первое въ Оренбургѣ частное заведеніе для обученія бѣдныхъ дѣвочекъ шитью и рукодѣльямъ“[3]).

Такова была благотворительная дѣятельность Зеленки въ Оренбургѣ. Правда, мы знаемъ о ней очень немного, но и этого вполнѣ достаточно для того, чтобы оцѣнить значеніе Зеленки для Оренбурга—особенно, если сравнить его дѣятельность съ дѣятельностью православныхъ оренбургскихъ пастырей того времени, про которыхъ мы не можемъ сказать ничего подобнаго. Да никто бы имъ и не дозволилъ тогда такой дѣятельности... Не дозволилъ же въ 1851 году оренбургскій генералъ-губернаторъ Вл. Аѳ. Обручевъ одному православному священнику помѣстить въ своей проповѣди такую невинную фразу: „Итакъ, православные, вы сами видите, какъ далеко проникло христіанство, и если Богу угодно будетъ, то оно еще далѣе пойдетъ.—Мало-ли что будетъ Богу угодно, закричалъ генералъ Обручевъ, услыхавъ про эту фразу, и сейчасъ же велѣлъ написать вмѣсто того: „и если на сіе послѣдуетъ высочайшее соизволеніе, тогда нѣтъ сомнѣнія, христіанство проникнетъ и далѣе—за Гималай въ Индію“[4]). Этотъ фактъ самъ говоритъ за себя и мы не будемъ его комментировать...

---

1) В. А. Перовскій такъ и умеръ холостякомъ. Причиной этого было одно обстоятельство романическаго характера, о которомъ разсказываетъ П. Юдинъ въ своей статьѣ: „В. А. Перовскій въ оренбургскомъ краѣ“. („Р. Стар.“ 1896 года, май, стр. 423—425).

2) В. В. Григорьевъ—авторъ воспоминаній о Зеленкѣ относитъ основаніе общества посѣщенія бѣдныхъ къ 1852 году („Сѣверная Пчела“ 1861 г., № 74), но это, какъ мы видѣли сейчасъ, не совсѣмъ справедливо. Общество посѣщенія бѣдныхъ существовало еще гораздо ранѣе 1852 года, а въ этомъ году оно, вѣроятно, только снова перешло въ полное завѣдываніе Зеленки.

3) „Сѣверная Пчела“ 1861 года, № 74.

4) „Историч. Вѣстникъ“ 1882 года, апрѣль, стр. 236.

VIII.

Участіе Зеленки въ культурныхъ начинаніяхъ.

Первоначальная исторія устройства зоологическаго музея въ Оренбургѣ.—Передача завѣдыванія имъ Зеленкѣ.—Обогащеніе зоологическаго музея при Зеленкѣ новыми коллекціями и переименованіе его въ музей естественныхъ произведеній оренбургскаго края.—Завѣдываніе Зеленки училищемъ лѣсоводства и земледѣлія.

Принимая весьма дѣятельное участіе въ организаціи общественной благотворительности въ Оренбургѣ, ксендзъ Зеленко въ то же время не отказывался и отъ участія въ культурныхъ начинаніяхъ своего времени. Къ числу такихъ начинаній нужно по справедливости отнести устройство въ Оренбургѣ зоологическаго музея. Въ виду нѣкоторыхъ неточностей, вкравшихся въ статью П. Н. Столпянскаго: „Эпизодъ изъ жизни В. И. Даля“,[1]) мы полагаемъ, что наши читатели не будутъ въ большой претензіи, если мы остановимся на исторіи устройства зоологическаго музея въ Оренбургѣ нѣсколько болѣе, чѣмъ это требуется нашей непосредственной задачей.

Еще предмѣстникъ В. А. Перовскаго—графъ П. П. Сухтеленъ—пришелъ къ мысли объ устройствѣ въ Оренбургѣ музея, въ которомъ каждый посѣтитель и путешественникъ могъ-бы увидѣть „сокращенную, но вѣрную картину цѣлаго края“[2]). Такой музей, дѣйствительно, и былъ основанъ[3]) гра-

1) „Русская Старина“ 1903 годъ, іюль, стр. 71—73.

2) Архивъ О. У. А. К., отд, погран., дѣло отъ 12 ноября 1830 г., стр. 21.

3) Въ виду этого нужно признать совершенно ошибочнымъ утвержденіе П. Н

фомъ Сухтеленомъ въ ноябрѣ 1830 года изъ коллекцій, пожертвованныхъ „многими любителями науки и учеными испытателями природы“[1]). Музей помѣщенъ былъ въ одной изъ залъ Неплюевскаго военнаго училища, директоръ котораго Г. Ѳ. Генсъ (съ 1824 г. по 1832 г.) принадлежалъ къ просвѣщеннѣйшимъ людямъ своего времени[2]). Когда-же вмѣсто умершаго скоропостижно графа Сухтелена оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ былъ назначенъ В. А. Перовскій, то послѣдній, въ виду стѣсненія Неплюевскаго училища музеемъ, на что жаловался новый директоръ училища,[3]) порѣшилъ сдѣлать для него „въ пристройкѣ къ училищу лѣсоводства и земледѣлія“, которое въ то время еще только стро-

---

Столпянскаго, что до Перовскаго Оренбургскій край былъ „terra incognita“. („Р. Старина“ 1903 г., іюль стр. 71). Для тѣхъ, кто не желалъ самъ поближе ознакомиться съ Оренбургскимъ краемъ, онъ, конечно, былъ „terra incognita“) но о такихъ людяхъ и не должно быть рѣчи, такъ какъ такіе экземпляры водятся всегда и вездѣ. Они только тогда знакомятся съ какимъ-нибудь краемъ, когда имъ даютъ хорошіе прогоны на это и представляютъ къ наградамъ не въ очередь.

1) Архивъ О. У. А. К., отд. погран., дѣло отъ 12 ноября 1830 года, стр. 14.

2) Григорій Ѳедоровичъ Генсъ, происходившій изъ дворянъ, повидимому, Курской губерніи, получилъ образованіе въ инженерномъ корпусѣ, откуда въ чинѣ подпоручика прямо былъ назначенъ въ Оренбургъ для инженерныхъ работъ, а 4 августа 1824 года былъ опредѣленъ директоромъ Неплюевскаго училища, преобразованнаго послѣ въ кадетскій корпусъ. Г. Ѳ. Генсъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Перовскаго, который нерѣдко совѣтовался съ нимъ „по дѣламъ ордынскимъ“. 1 января 1825 года Генсъ былъ произведенъ въ полковники и 16 января того-же года, имѣя всего 38 лѣтъ отъ роду, былъ назначенъ предсѣдателемъ оренбургской пограничной комиссіи, что въ то время считалось выше должности гражданскаго губернатора. Всѣ свои досуги отъ службы Генсъ посвящалъ изученію мѣстнаго края и литературнымъ занятіямъ. Послѣ него осталось много важныхъ и цѣнныхъ записокъ въ которыхъ собраны матеріалы по археологіи, исторіи и этнографіи оренбургскаго края. Генсъ былъ настолько любознателенъ, что нисколько не стыдился на глазахъ у всѣхъ останавливать какого-нибудь старика— киргиза или старуху— киргизку, а иной разъ нарочно зазывалъ стариковъ — знатоковъ своихъ обычаевъ къ себѣ на квартиру и по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ ними, чтобы ознакомиться съ ихъ родными преданіями и легендами. Къ сожалѣнію, его труды до сихъ поръ еще не изданы, и Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи не мѣшало бы обратить на нихъ свое вниманіе, чтобы заняться ихъ изданіемъ. О Гр. Ѳ. Генсѣ можно читать въ „Русской Старинѣ“ 1899 года (августъ, стр. 363 –373), гдѣ помѣщенъ и портретъ его.

3) Подполковникъ Марковъ, который сначала старался всячески выжить музей изъ неплюевскаго военнаго училища (Архивъ О. У. А. К., отд. погр., дѣло отъ 12 ноября 1830 года, стр. 398).

илось,[1]) „довольно обширный залъ и тутъ-же помѣщеніе для смотрителя музея,“[2]) для чего и приказалъ выдать сначала двѣ тысячи рублей ассигнаціями, а потомъ и еще три тысячи рублей изъ суммы, назначенной „на улучшеніе и опыты по хозяйственной части“[3]).

Перевести музей въ новое помѣщеніе Перовскій предполагалъ въ 1836 году, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ дѣло это очень затянулось и впослѣдствіи приняло такой оборотъ, что Неплюевскій музей такъ и остался на прежнемъ своемъ мѣстѣ, а вмѣсто него былъ открытъ новый музей совсѣмъ въ другомъ, не предполагавшемся ранѣе, помѣщеніи да и открытъ-то былъ только съ однимъ зоологическимъ отдѣленіемъ, почему и сталъ называться вмѣсто „главнаго музея“, какъ предполагалось назвать его ранѣе,[4]) просто зоологическимъ музеемъ[5]). Произошла вся эта перемѣна совершенно случайно и вотъ какъ.

Неплюевскій музей былъ сравнительно бѣденъ зоологическимъ отдѣленіемъ, а В. А. Перовскій, строившій новое помѣщеніе для него, хотѣлъ, такъ сказать, показать товаръ лицомъ и поэтому 23 февраля 1837 года, по примѣру своего предмѣстника—графа Сухтелена[6]), отправилъ въ С.-Петербургъ къ извѣстному зоологу академику Ѳ. Ѳ. Брандту[7]) че-

---

1) Училище лѣсоводства и земледѣлія было построено по мысли самаго В. А. Перовскаго и открыто 18 февраля 1836 года. (П. Н. Столпянскій: „Изъ прошлаго оренбургскаго края“, стр. 63—67). Училище было построено на томъ мѣстѣ, гдѣ въ началѣ прошлаго столѣтія помѣщалось оренбургское отдѣленіе Библейскаго общества. (Н. Чернавскій: „Оренбургская епархія“, т. II, стр. 218). Въ настоящее время здѣсь находится казачій арсеналъ.

2) Архивъ О. У. А. К., отд. погран., дѣло отъ 12 ноября 1830 г., стр. 319.

3) Тамъ же, стр. 379 и 380.

4) Тамъ же, стр. 402.

5) „Сѣверная Пчела“ 1861 года, № 74.

6) Архивъ О. У. А. К., отд. погр., дѣло отъ 12 ноября 1830 г., стр. 86.

7) Брандтъ Ѳедоръ Ѳед., извѣстный зоологъ, родился въ Пруссіи въ 1802 г. Сначала занимался медициной въ Берлинскомъ универс., а въ 1831 году, будучи уже экстраординарнымъ профессоромъ, перешелъ въ Петербургскую Академію наукъ. Благодаря его трудамъ, жалкое собраніе зоологическихъ рѣдкостей академіи наукъ обратилось въ первоклассный, одинъ изъ богатѣйшихъ въ Европѣ, зоологическій музей. Научныя работы Брандта, доставившія ему почетное имя въ наукѣ, очень много-

тырехъ казачьихъ малолѣтковъ для обученія ихъ искусству „снимать, сохранять и набивать кожи птицъ и звѣрей“[1]). Получая кормовыя деньги, одежду, столъ и квартиру, казачьи малолѣтки учились неспѣша: спѣшить было некуда, а пока они учились, успѣло одуматься и начальство Неплюевскаго училища, которому Перовскій поручилъ перевозку музея въ новое помѣщеніе. Сообразивъ, что музей, находящійся въ Неплюевскомъ училищѣ, можетъ быть очень полезенъ самому училищу, какъ необходимое пособіе при учебныхъ занятіяхъ съ воспитанниками училища[2]), училищное начальство и не спѣшило перевозить музей въ новое помѣщеніе, тѣмъ болѣе, что и самъ Перовскій, занятый приготовленіями къ хивинскому походу, повидимому, успѣлъ уже отказаться отъ своихъ прежнихъ плановъ относительно музея и остановился на мысли объ основаніи только „мѣстнаго собранія животныхъ“. Это видно изъ того, что служившій при Перовскомъ чиновникомъ особыхъ порученій извѣстный писатель В. И. Даль[3]) 1 апрѣля 1839 года представилъ „примѣрный расчетъ, т. е. смѣту, только „на устройство всего необходимаго для осно-

---

численны и относятся къ различнымъ отраслямъ зоологіи... Умеръ Брандтъ въ 1879 году. („Энц. словарь“ Т-ва бр. Гранатъ, т. II, стр. 690). Къ этому-то извѣстному ученому и отправилъ Перовскій четырехъ казачьихъ малолѣтковъ для обученія чучельному искусству.

1) Архивъ О. У. А. К., отд. погр., дѣло отъ 31 января 1837 г., стр. 2. Обстоятельства посылки въ С.-Петербургъ четырехъ казачьихъ малолѣтковъ для обученія чучельному искусству описаны сравнительно подробно П. Н. Столпянскимъ въ его статьѣ: „Эпизодъ изъ жизни В. И. Даля“. („Р. Стар.“ 1903 г., стр. 71—73) и поэтому мы считаемъ излишнимъ подробно говорить объ этомъ.

2) Архивъ О. У. А. К., отд. погр. дѣло отъ 12 ноября 1830 г., стр. 401.

3) Даль Влад. Ив. одинъ изъ дарозитѣйшихъ дѣятелей въ области знанія, товарищъ знаменитаго Н. И. Пирогова, извѣстенъ какъ медикъ, естествоиспытатель, этнографъ, лингвистъ, администраторъ и, наконецъ, выдающійся писатель, подвизавшійся на поприщѣ изящной литературы. Родъ въ 1801 году въ Екатеринославской губ., въ Луганскомъ уѣздѣ (откуда и псевдонимъ „Казакъ Луганскій“), гдѣ отецъ его, датчанинъ, былъ тогда медикомъ. В. И. воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и служилъ нѣкоторое время въ Балтійскомъ флотѣ; выйдя въ 1826 году въ отставку, онъ поступилъ въ Дерптскій университетъ, гдѣ и учился вмѣстѣ съ Пироговымъ и Иноземцевымъ. Во время турецкой войны служилъ военнымъ докторомъ и послѣ войны былъ опредѣленъ ординаторомъ въ СПБ. военно-сухопутный госпиталь. Слѣдуя своему призванію и покинувъ врачебную службу, В. И. Даль обратился къ литерату-

ванія мѣстнаго собранія животныхъ“[1]). Когда былъ открытъ новый музей или мѣстное собраніе животныхъ,—объ этомъ мы не встрѣтили никакихъ указаній, но зато можемъ вполнѣ достовѣрно сказать, что въ августѣ 1841 года „вновь учрежденный музей“ былъ уже переданъ В. И. Далемъ, оставившимъ свою службу въ Оренбургѣ[2]), въ завѣдываніе никого иного, какъ „дивизіоннаго ксендза Зеленки“[3], который принялъ музей по особой описи, составленной В. И. Далемъ и подписанной самимъ Зеленкой. Такъ какъ эта опись и приложенная къ ней записка В. И. Даля хорошо знакомятъ насъ не только съ инвентаремъ музея, но и съ штатомъ служащихъ при немъ, а также и съ порядками, заведенными въ музеѣ В. И. Далемъ, то мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь полный текстъ этой описи. Вотъ этотъ весьма интересный документъ:

„По приказанію г. оренбургскаго военнаго губернатора

рѣ, первымъ опытомъ въ которой были его „Русскія сказки“, написанныя въ простонародномъ духѣ. Въ 1833 году онъ поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій къ оренбургскому губернатору Перовскому, гдѣ служилъ 8 лѣтъ, участвовалъ въ его хивинскомъ походѣ, описанномъ и напечатанномъ въ „Русскомъ Архивѣ“. Въ 1834-39 г., т. е. во время его пребыванія въ Оренбургѣ, напечатаны имъ, полныя юмора „Были и небылицы“. Въ 1846 году Даль издалъ „Сочиненія казака Луганскаго“. Въ 1859 году оставилъ службу совсѣмъ, поселился въ Москвѣ, гдѣ занимался своимъ „Словаремъ“ и въ 1872 году приготовилъ его второе изданіе, и того-же года скончался. Значительная часть его сочиненій изданы отдѣльно, но многія разсѣяны въ журналахъ. Наиболѣе извѣстны его сочиненія: „Пословицы русскаго народа“, „Толковый словарь живаго великорусскаго языка“, „Повѣсти“, „Матросскіе досуги“, „Солдатскіе досуги“ и „Картины изъ русскаго быта“. („Энц. словарь“ бр. Гранатъ, т. III, стр. 1416).

Товарищескія воспоминанія Н. И. Пирогова о В. И. Далѣ можно читать въ „Русской Старинѣ“ 1885 года, февраль, стр. 292—295. Въ наслѣдство Оренбургу отъ В. И. Даля осталось довольно мѣткое прозваніе города „чертовой песочницей“. („Истор. Вѣстникъ“ 1897 г., май, стр. 404). Странно, замѣтимъ кстати, что въ музеѣ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи нѣтъ ничего такого, что хотя-бы чѣмъ-нибудь напоминало о пребываніи В. И. Даля въ Оренбургѣ. А вѣдь онъ былъ однимъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ сподвижниковъ В. А. Перовскаго и ему первому выпала честь устройства и оборудованія „мѣстнаго собранія животныхъ“, т. е. зоологическаго музея..

1) Архивъ О. У. А. К., отд. пограничн., дѣло отъ 31 января 1837 г., стр. 30

2) Въ 1841 году В. И. Даль былъ назначенъ секретаремъ къ товарищу министра удѣловъ—Льву Алексѣевичу Перовскому, родному брату В. А. Перовскаго („Энциклоп. Словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. X, стр. 47.

3) Архивъ О. У. А. К., отд. погран., дѣло отъ 31 января 1837 года, стр. 56.

имѣю честь представить въ канцелярію его превосходительства опись вновь учрежденному въ домѣ благороднаго собранія музею и другія по сему предмету свѣдѣнія".

„При музеѣ состоятъ: оренбургскаго войска урядники Скорняковъ и Лысовъ и казаки Волженцовъ и Мелиховъ.[1]) Первые два во всѣхъ отношеніяхъ отлично хороши и вполнѣ надежны, знаютъ дѣло свое отлично; Лысовъ уступаетъ Скорнякову только нѣсколько въ расторопности. Послѣдніе два обучены только снимать и приготовлять мѣха и шкуры, а набивать хорошо не могутъ. Они требуютъ также болѣе строгаго надзора по поведенію".

„Доселѣ заведено было, что четыре чучельника эти не отлучались постоянно отъ домовъ своихъ во весь годъ, а только поочередно и по мѣрѣ надобности. Во время отлучекъ изъ домовъ своихъ, а именно: Скорнякова изъ Оренбурга, а остальныхъ трехъ изъ Черноречья, они получали кормовыя деньги".

„Нынѣ Скорняковъ и Волженцовъ находятся въ походѣ съ г. Леманомъ, Мелиховъ на кочевкѣ у г. военнаго губернатора[2]), а Лысовъ здѣсь въ Оренбургѣ. Всѣ расходы по музею можно повѣрить Скорнякову или Лысову, которые въ этомъ отношеніи испытанной честности. Провіантомъ удовлетворены всѣ четверо, по требованіямъ моимъ, по 1-е число мая 1841 года.

N. B. Лысову выдано требованіе по 1-е сентября; Мелихову также. В. Даль".

Опись вещамъ и предметамъ, состоящимъ *въ музеѣ*:
Птицъ набитыхъ въ шкафахъ . . . 136.
Четвероногихъ животныхъ, набитыхъ 22.

---

1) Это тѣ самые „малолѣтки", которые обучались у академика Брандта чучельному искусству. Урядникъ Скорняковъ впослѣдствіи (въ сентябрѣ 1845 г.), по высочайшему повелѣнію отъ 13 іюля 1845 г., былъ переведенъ препараторомъ въ зоологическій музей Императорской Академіи наукъ „по уваженію отличной способности его къ анатомическому препарированію и чучельному искусству". (Тамъ же, стр. 108).

1) В. А. Перовскій каждое лѣто уѣзжалъ изъ Оренбурга въ Башкирію гдѣ у него было построено лѣтнее помѣщеніе изъ дерева. Эти-то ежегодныя лѣтнія поѣздки Перовскаго „на дачу", говоря нынѣшнимъ языкомъ, и назывались „кочевками".

Шкуръ большихъ звѣрей:

Медвѣдь	1.	
Оленей	2.	
Кулановъ[2])	4.	одинъ куланъ и одинъ сайганъ взяты г. воен. губернаторомъ.
Сайгановъ	14.	
Шкуръ большихъ птицъ . . .	11.	
„ разныхъ звѣрковъ . . .	83.	
„ „ птицъ . . .	197.	

Ружей, всего—12, изъ нихъ 4 взяты г. Леманомъ въ походъ.

N. B. Изъ этого числа 4 ружья принадлежатъ собственно музею, а 8 взяты, по приказанію г. военнаго губернатора подъ мою расписку изъ училища земледѣлія и лѣсоводства.

Кожаный мѣшокъ для пороху . . .	1.	
Патронташей съ 50 жестяными дудками	3.	
Дробницъ казачьихъ	3.	
Отвертокъ	4.	Изъ учил. землед.
Мѣрка для пороху	1.	
Порошницъ разныхъ	3.	Изъ учил. землед.

Разнаго инструмента:

Коловоротъ 1, рашпилей 13, стамесокъ 4, перонъ 12, навертковъ 7, молотковъ 1, острогубцы 1, плоскогубцевъ 3, крутогубцевъ 3, пинсетъ 1, ящичекъ съ ножичками 1, топоръ 1, тисковъ 3, щипцовъ желѣзныхъ для поимки насѣкомыхъ 2.

3 ящика съ стеклянными глазами, коимъ прилагается особая опись изъ Академіи.

Шкафовъ стекольчатыхъ . . .	5.
Шкафъ съ минералами . . .	1.
Шкафъ въ рабочей комнатѣ . . .	1.
Тамъ-же столовъ рабочихъ . . .	3.
„ табуретовъ	6.
Готовыхъ постаментовъ. . . .	168.
Небольшихъ скелетовъ (остововъ). .	7.

В. Даль.

---

1) „Куланъ—дикій оселъ особой породы“ („Труды“ О. У. А. К., вып. XXV, стр. 47)

По сей описи принялъ К. Зеленко"[1]).

Вотъ какъ несложенъ былъ инвентарь музея, открытаго въ домѣ благороднаго собранія и принятаго Зеленкой въ свое завѣдываніе отъ В. И. Даля.

Что-же касается упоминаемаго въ запискѣ и описи г. Лемана, взявшаго съ собою въ какой-то походъ казака Мелихова[2]) и 4 ружья изъ музея, то это былъ одинъ изъ учителей училища лѣсоводства и земледѣлія[3]) и извѣстный путешественникъ[4]), научныя путешествія котораго и назывались въ то время походами. По условію съ Перовскимъ Леманъ во время своихъ путешествій обязанъ былъ ловить и сохранять животныхъ и насѣкомыхъ для музея, за что вмѣстѣ съ платой за преподаваніе и получалъ 4400 рублей въ годъ *ассигнаціями*[5]).

Посмотримъ теперь,—въ чемъ-же состояли обязанности Зеленки, какъ завѣдующаго оренбургскимъ зоологическимъ музеемъ?

Обязанности Зеленки отчасти опредѣляются уже запиской В. И. Даля, приложенной къ описи музея, а отчасти и сохранившимися въ дѣлѣ собственноручными записками Зеленки. Судя по всему этому, можно заключить, что обязанности Зеленки прежде всего заключались въ сохраненіи коллекцій музея въ надлежащей цѣлости и сохранности, въ наблюденіи за правильностію отопленія музея, въ распредѣленіи работъ между чучельниками, въ заботахъ объ ихъ содержаніи и отпускахъ. Все это Зеленко и исполнялъ вполнѣ добро-

---

1) Архивъ О. У. А. К., отд. погр., дѣло отъ 31 января 1837 г., стр. 57—58.

2) П. Столпянскій почему-то называетъ казака Мелихова Мерировымъ. („Р. Старина" 1903 года, іюль, стр. 72). Хотя это и не особенно важно, но все-таки, пользуясь случаемъ, считаемъ своимъ долгомъ исправить эту вкравшуюся описку или опечатку.

3) Архивъ О. У. А. К., гражд. отд., дѣло отъ 7 октября 1840 г.

4) Леманъ Александръ Адольфовичъ, русскій путешественникъ, родился въ 1814 году, кандидатъ философіи, путешествовалъ по Финляндіи, Хивѣ, Новой Землѣ и Индіи. Сочиненіе его: „Поѣздка въ Бухару и Самаркандъ". Умеръ въ 1848 году. („Энц. сл. т-ва бр. Гранатъ, т. V, стр. 2677).

5) Архивъ О. У. А. К., отд. погр., дѣло отъ 31 января 1837 г., стр. 39.

совѣстно: то онъ обращается къ Перовскому съ просьбой „отпустить ему нѣкоторыя суммы для работъ, которыми необходимо занять чучельниковъ“[1]), то ходатайствуетъ о присылкѣ дровъ „для топки трехъ печей—двухъ въ комнатахъ, гдѣ помѣщаются чучела, для предохраненія оныхъ отъ сырости, и одной—въ рабочей, гдѣ должны сушиться вновь дѣлаемые экземпляры“, то о „квартирѣ для чучельниковъ“, то о „сторожѣ для топки печей и соблюденія чистоты“, то о „шкафахъ для помѣщенія вновь отдѣланныхъ чучелъ“[2]), то, наконецъ, объ отпускѣ „урядника Лысова и казака Мелихова, на престольный праздникъ св. Димитрія на побывку дома въ Чернорѣченскую крѣпость“[3]).

При Зеленкѣ зоологическій музей успѣлъ обогатиться не только новыми чучелами звѣрей и птицъ[4]), но и другими коллекціями, почему и сталъ съ 1845 года называться вмѣсто зоологическаго музея „музеемъ естественныхъ произведеній оренбургскаго края“[5]). Хотя большинство коллекцій этого музея и не сохранилось до нашего времени, но часть музея,

---

1) Тамъ же, стр. 51.

2) Тамъ же, стр. 54.

3) Архивъ О. У. А. К. отд. погр., дѣло отъ 31 января 1837 г. стр. 55. Въ Чернорѣченской станицѣ день св. Димитрія Солунскаго (26 октября) празднуется, какъ престольный праздникъ, хотя церковь называется казанскою. („Оренбургскій Листокъ“, 1889 года).

4) За одно только короткое время—съ 1 сентября по 1 декабря 1841 года въ зоологическій музей поступило 49 чучелъ, въ числѣ которыхъ были чучела слѣдующихъ птицъ:

орловъ	4.
беркутовъ	4.
пеликана-бабы	1.
аиста	1,
„посредственныхъ птицъ“	7.
„малыхъ птицъ“	23.
и з в ѣ р е й:	
дикой кошки	1.
зайца бѣлаго	1.
ежа	1.
летучихъ бѣлокъ	5.
горностаевъ	1.

(Архивъ О. У. А. К., отд. погр., дѣло отъ 31 января 1837 г., стр. 67).

5) Тамъ же, стр. 98.

находившагося долгое время въ завѣдываніи Зеленки, несмотря на неоднократныя перекочевки изъ одного помѣщенія въ другое, все-таки уцѣлѣла и до нашихъ дней и извѣстна въ настоящее время подъ именемъ музея Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи[1]) Завѣдывалъ Зеленко зоологическимъ музеемъ до самой своей смерти[2]).

Вотъ почему прежде всего мы видимъ золотой наперстный крестъ Зеленки и его портреты въ одной изъ витринъ музея Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи. Эти предметы вполнѣ по праву занимаютъ тамъ свое мѣсто. Жаль только, что за крайней тѣснотою помѣщенія музея[3]) имъ не нашлось тамъ болѣе удобнаго мѣста, какъ рядомъ съ пѣнковыми трубками и тому подобными предметами, неимѣющими никакого отношенія къ Зеленкѣ и его дѣятельности въ Оренбургѣ.

Считаемъ своевременнымъ отмѣтить здѣсь и то, что кромѣ музея Зеленко „временно“ завѣдывалъ еще и училищемъ земледѣлія и лѣсоводства[4]). В. В. Григорьевъ утверждаетъ, что „періодъ заботливости Зеленки объ этомъ заведеніи едва ли не былъ лучшимъ въ исторіи его существованія“[5]).

---

1) Часть зоологической коллекціи, собранной Зеленкой, помѣщается, какъ мы слышали, въ одномъ изъ заколоченныхъ павильоновъ, находящихся на т. н. Марсовомъ полѣ въ Оренбургѣ. Значительная-же часть другихъ коллекцій, „на сборъ и устройство которыхъ была потрачена масса труда, попали въ разныя учебныя заведенія“ и только „незначительная часть въ вѣдѣніе Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи“. (См „Воззваніе“ Строительной Комиссіи музея Оренбургскаго края).

2) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло 19 января 1861 года, стр. 29.

3) Въ виду этого Оренбургская Ученая Архивная Комиссія подняла въ настоящее время вопросъ о постройкѣ новаго зданія для музея оренбургскаго края и уже разослала подписные листы для сбора пожертвованій на это неотложное дѣло, но пожертвованія поступаютъ такъ туго, что нѣтъ никакой надежды выстроить новое зданіе для музея на одни только эти пожертвованія. До сихъ поръ, т. е. за цѣлый годъ на постройку музея оренбургскаго края поступило всего только 2031 руб. и 12 коп Нельзя не пожалѣть о томъ, что современные оренбуржцы такъ глухи къ нуждамъ мѣстнаго музея, который ставитъ своею задачею сохраненіе и изученіе памятниковъ родной старины... Вѣдь сохраненіемъ и сбереженіемъ историческихъ памятниковъ, какъ-бы они ни были, повидимому, незначительны, потомство оказываетъ любовь къ своему прошлому, а изученіемъ ихъ показываетъ, что оно стремится къ совершенству, къ сознательному отношенію къ своей средѣ и обстановкѣ. Но этого-то именно и недостаетъ нынѣшнимъ оренбуржцамъ...

4) „Сѣверная Пчела“ 1861 года, № 74.

Завѣдываніе училищемъ земледѣлія и лѣсоводства было поручено Зеленкѣ оренбургскимъ губернаторомъ В. А. Обручевымъ послѣ смерти генерала-майора Лифлянда. („Сѣверная Пчела“ 1861 года, № 74 и „Труды“ О. У. А. К., вып. XVIII, стр. 123).

5) „Сѣверная Пчела“ 1861 года, № 74.

IX.

Вліяніе Зеленки на администрацію оренбургскаго края.

Заступничество Зеленки за офицеровъ, устроившихъ скандалъ въ клубѣ.—Его участіе въ улучшеніе участи, сосланныхъ въ Оренбургъ поляковъ.—„Дѣло“ о Зеленкѣ, какъ доказательство его вліянія на администрацію оренбургскаго края.

Въ своемъ рапортѣ отъ 30 января 1839 года за № 378 В. А. Перовскій писалъ военному министру про Зеленку, что „въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ былъ употребленъ съ пользою“[1]). Какія именно случаи разумѣлъ В. А. Перовскій, говоря эту фразу,—мы уже видѣли, да это и неособенно важно для насъ въ данномъ случаѣ, но мы хотимъ сейчасъ указать здѣсь на то, что эту-же самую фразу и съ такимъ-же точно правомъ, какъ и В. А. Перовскій, могъ употребить и Зеленко про самого Перовскаго, вліяніе котораго на дѣла края онъ также употреблялъ съ большою пользою и для себя и для другихъ. „Одаренный большимъ умомъ, неимовѣрной терпѣливостью въ достиженіи своихъ цѣлей, кроткій, со всѣми ласковый и обходительный Зеленко уже при Перовскомъ, говоритъ генералъ Н. Г. Залѣсовъ, пользовался большимъ вліяніемъ на административныя дѣла оренбургскаго края“. „Онъ съ утра до ночи разъѣзжалъ по городу на своей неизмѣнной рыжей лошадкѣ съ просьбами за какое-нибудь лицо, и для оренбургскаго жителя показался-бы тотъ день необыкновеннымъ, въ который онъ не увидѣлъ-бы на улицѣ ксендза“[2]).

1) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 104.
2) „Русская Старина“ 1903 г., май, стр. 282.

Но особенно усилилось вліяніе Зеленки при преемникѣ В. А. Перовскаго—генералѣ Обручевѣ, когда Зеленко, „пользуясь служебными сношеніями съ генеральшей, имѣвшей сильное вліяніе на крикуна мужа[1]), вошелъ въ милость къ послѣднему“[2]). Значеніе Зеленки дошло при Обручевѣ до того, что „къ нему стали обращаться съ просьбами не только бѣдные, искавшіе мѣста, чиновники, но даже военные и крестьяне“[3]). Генералъ Н. Г. Залѣсовъ, слова котораго мы только что привели, разсказываетъ о слѣдующемъ случаѣ въ доказательство своихъ словъ. „Офицеры одной изъ казачьихъ батарей, стоявшей въ Бугурусланѣ или Стерлитамакѣ, побили кого-то изъ служащихъ тамъ и вообще устроили въ мѣстномъ клубѣ публичный скандалъ; они тотчасъ-же обратились съ письмомъ къ Зеленкѣ, прося замять эту исторію, и, дѣйствительно, дѣло кончилось пустяками“[4]).

Можно указать и еще на другой случай вліянія Зеленки на администрацію края. Вступивъ въ управленіе оренбургскимъ краемъ, генералъ Обручевъ первоначально отнесся весьма строго ко всѣмъ сосланнымъ полякамъ, но при участіи Зеленки они стали не только „миловаться“, а даже „занимать разныя военныя и гражданскія мѣста въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ“[5]).

Да, наконецъ, и все разсмотрѣнное нами „Дѣло“ о Зеленкѣ развѣ не служитъ наглядным и неопровержимымъ доказательствомъ того, что онъ, когда хотѣлъ того, очень умѣло подчинялъ себѣ волю и желанія В. А. Перовскаго, въ рукахъ котораго находилась судьба цѣлаго оренбургскаго

1) Влад. Афан. Обручевъ пользовался въ Оренбургѣ репутаціей человѣка честнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ деспотическаго, мелочнаго и крайне раздражительнаго. („Р. Старина“ 1903 года, апрѣль, стр. 55).

2) Тамъ же, стр. 283.

3) Тамъ же.

4) Тамъ же.

5) Тамъ-же, стр. 284. До 1865 г. центръ гражданскаго управленія Оренбургской губерніей сосредоточивался въ г. Уфѣ, гдѣ жилъ гражданскій губернаторъ. Въ Оренбургѣ было военное управленіе краемъ. („Истор. Вѣстникъ“ 1877 года, май, стр 415). Вотъ почему сосланные поляки при участіи Зеленки стали занимать должности не только въ Оренбургской губерніи, но и въ Уфимской.

края и который часто дѣлалъ то, чего хотѣлось именно Зеленкѣ. Захотѣлъ Зеленко остаться въ Оренбургѣ,—и остался, не смотря на то, что самъ-же В. А. Перовскій началъ хлопотать объ его возвращеніи на родину. Захотѣлъ Зеленко занять оффиціальное положеніе оренбургскаго католическаго священника—и В. А. Перовскій такъ усердно хлопочетъ объ опредѣленіи его сзященникомъ въ оренбургскій отдѣльный корпусъ, какъ будто вся судьба оренбургскаго края находилась въ зависимости отъ того,—будетъ или не будетъ назначенъ Зеленко корпуснымъ священникомъ? Задумалъ Зеленко построить въ Оренбургѣ для своихъ соотечественниковъ и единовѣрцевъ костелъ—и В. А. Перовскій первый оффиціально проводитъ въ высшихъ петербургскихъ сферахъ мысль о нуждѣ построенія въ Оренбургѣ, хотя-бы временной, р.-католической церкви. Но такъ какъ построеніе только временной церкви не входило въ планы Зеленки, то В. А. Перовскій, высказавъ мысль о нуждѣ построенія католической церкви, тутъ-же и отказывается отъ этой мысли и ходатайствуетъ о дозволеніи освящать частные дома, которые заступали-бы мѣсто церкви[1]).

Въ виду всего сказаннаго нами можно, кажется, признать за вполнѣ достовѣрный фактъ, что Зеленко очень хорошо умѣлъ подчинять своему вліянію оренбургскихъ администраторовъ и пользоваться ими для своихъ цѣлей. Но къ чести Зеленки мы можемъ съ полною справедливостью сказать, что не знаемъ ни одного факта, который свидѣтельствовалъ-бы о томъ, что онъ когда-нибудь во зло употребилъ свое вліяніе на оренбургскихъ губернаторовъ.

---

1) Архивъ О. У. А.-К., отд. гражд., дѣло отъ 5 сентября 1833 г., стр. 75.

X.

Смерть и погребеніе Зеленки.

Болѣзнь Зеленки.—Вызовъ изъ Саратова каноника Рымша для напутствованія Зеленки.—Смерть Зеленки.—Прошеніе прихожанъ оренбургскаго польскаго костела къ оренбургскому генералъ-губернатору А. П. Безаку.—Погребеніе Зеленки въ оградѣ польскаго костела.—Устройство памятника на могилѣ Зеленки.

„Слабый здоровьемъ, дѣятельный до изнуренія силъ, говоритъ В. В. Григорьевъ, Зеленка въ послѣднее время часто бывалъ боленъ; особенно тягостны для 60-лѣтняго старика становились дальніе его разъѣзды. Онъ продолжалъ однакоже разъѣзжать, хотя и черезъ силу. Изъ одного такого разъѣзда онъ возвратился въ Оренбургъ совсѣмъ хворый и слегъ. Его стали лѣчить отъ лихорадки, а потомъ оказалось, что у него было воспаленіе легкихъ.[1]) Благодаря преклонному возрасту и неправильному лѣченію болѣзнь Зеленки вскорѣ приняла такой оборотъ, что-по отзыву тогдашнихъ оренбургскихъ медиковъ—онъ оказался „въ совершенно безнадежномъ состояніи.“[2]) Въ виду этого командовавшій тогда оренбургскимъ отдѣльнымъ корпусомъ г.-м. Данзасъ 1-го октября 1860 года призналъ необходимымъ просить саратовскаго гражданскаго губернатора „о командированіи изъ Саратова въ Оренбургъ каноника Рымша“ для напутствованія ксендза Зеленки „по правиламъ религіи“ и для совершенія „по смерти его обряда погребенія.“[3])

1) „Сѣверная Пчела“ 1861 года, № 74. Здѣсь говорится о разъѣздахъ Зеленки по приходу, къ которому принадлежали всѣ католики, жившіе въ предѣлахъ тогдашней Оренбургской губерніи.

2) Архивъ О. У. А. К., отдѣл. гражд., дѣло отъ 3 октября 1860 г., стр. 2.

3) Тамъ-же.

Хотя каноникъ[1]) Рымшъ вслѣдствіе дальности разстоянія и осенняго времени прибылъ въ Оренбургъ нескоро—только въ концѣ октября, но можно думать, что онъ всетаки успѣлъ застать Зеленку еще живымъ и напутствовать его св. Тайнами.

Скончался Зеленко въ 8 часовъ утра 31 октября 1860 года. На другой день послѣ его смерти староста р.-католической церкви—коллежскій секретарь Михаилъ Цейзикъ отъ лица всѣхъ прихожанъ обратился къ оренбургскому генералъ-губернатору А. П. Безаку[2]) съ прошеніемъ нижеслѣдующаго содержанія:

„Здѣшняго оренбургскаго корпуса р.-католическій священникъ и капелланъ[3]) Михаилъ Зеленко вчерашняго числа, т. е. 31 октября въ 8 часовъ утра скончался. 27-лѣтнія заслуги покойнаго, любовь и уваженіе, которое онъ пріобрѣлъ служа всѣмъ безъ разбора вѣроисповѣданія, заставляютъ меня отъ лица всѣхъ прихожанъ р.-католическаго вѣроисповѣданія почтительнѣйше просить ваше высокопревосходитель-

---

1) Канониками въ р.-католической церкви называются тѣ священнослужители, которые совершаютъ богослуженіе при соборахъ и церквахъ коллегіатскихъ. („Богосл. энц.“, изд. Лопухина, т. VIII, стр. 268).

2) Александръ Павловичъ Безакъ, управлявшій Оренбургской губерніей съ 1860 года по 1864 годъ, по словамъ генерала Залѣсова, былъ умнымъ и справедливымъ администраторомъ. Онъ расформировалъ башкирское войско, ввелъ гражданское управленіе въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ и соединилъ должность атамана съ должностью оренбургскаго губернатора. Строгая экономія во всѣхъ расходахъ дала возможность Безаку употребить часть средствъ на общеполезныя учрежденія въ Оренбургѣ. Такъ, около 50 тысячъ было употреблено имъ на устройство общественныхъ бань въ Оренбургѣ, получившихъ названіе „Александровскихъ,“ и значительныя суммы на проведеніе тротуаровъ и особенно на благоустройство городского водопровода Онъ-же оздоровилъ Оренбургъ, срывъ его крѣпость, остатокъ которой можно и сейчасъ видѣть около Преображенскаго собора и Марсова поля, и построилъ казармы. Ему обязанъ оренбургскій институтъ своимъ расширеніемъ и онъ-же образовалъ комиссію для переустройства оренбургскаго Неплюевскаго кадетскаго корпуса. („Р. Стар.“ 1903 г., апрѣль, стр. 36-37).

3) Капелланами въ р.-католической церкви называются или помощники главнаго священника или домовые священники („Богосл. энц.“, изд. Лопухина, т. VIII, стр. 544-545). Судя по этому названію и имѣя въ виду, что ко времени смерти Зеленки въ Оренбургѣ имѣлся уже приходскій костелъ, можно предположить, что Зеленко не пользовался правами самостоятельнаго священника, а числился только помощникомъ или викаріемъ златоустовскаго курата. Нынѣшній настоятель оренбургскаго костела І. Г. Булло пользуется полными правами настоятеля и самъ носитъ званіе курата.

ство разрѣшить по нашему обычаю, какъ основателя здѣшняго костела, тѣло похоронить въ оградѣ позади церкви."[1])

Такъ какъ генералъ-губернаторъ А. П. Безакъ не встрѣтилъ никакихъ препятствій къ разрѣшенію этого ходатайства,[2]) свидѣтельствовавшаго о добрыхъ чувствахъ оренбургскихъ католиковъ къ своему почившему пастырю, то Зеленко и былъ погребенъ „въ оградѣ, его-же усердіемъ сооруженнаго костела."[3])

На могилѣ Зеленки вскорѣ-же послѣ его смерти и погребенія былъ поставленъ памятникъ. Памятникъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ сооруженъ по подпискѣ, въ которой приняли участіе: „священники православные и евангелическаго исповѣданія, купцы православные и старообрядцы, два муллы и восемь другихъ магометанъ".[4])

Предсѣдатель оренбургской пограничной комиссіи[5]) (1854-1862 г.),[6]) В. В. Григорьевъ, почтилъ память почившаго Зеленки прекрасной статьей, помѣщенной въ самой распространенной тогда газетѣ „Сѣверная Пчела," откуда мы и брали нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о немъ.

Въ настоящее время напоминаніемъ о жизни и дѣятельности ксендза Зеленки въ Оренбургѣ служатъ: польскій костелъ, построенный имъ, общество вспомоществованія бѣднымъ, образовавшееся изъ общества посѣщенія бѣдныхъ, въ которомъ Зеленко принималъ, какъ мы видѣли, очень дѣятельное участіе, и музей Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи, выродившійся отчасти изъ бывшаго зоологическаго музея, которымъ очень долгое время завѣдывалъ ксендзъ Зеленко. Въ этомъ-то музеѣ Оренбургской Ученой Архивной

---

1) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 1 ноября 1860 г., стр. 1.

2) Тамъ-же стр. 2.

3) „Сѣверная Пчела" 1861 г., № 74.

4) Тамъ-же.

5) Бывшая оренбургская пограничная комиссія, вѣдавшая дѣла зауральныхъ киргизъ и Внутренней Букеевской орды; въ 1868 году, при образованіи новой области—Тургайской, переименована въ тургайское областное правленіе, гдѣ и остался весь архивъ прежней пограничной комиссіи". („Ист. Вѣстникъ" 1897 г. май, стр. 409).

6) Тамъ-же, стр. 410.

Комиссіи и хранится золотой наперстный крестъ Зеленки, который далъ намъ поводъ къ составленію настоящаго очерка. Тамъ сохраняются и два портрета Зеленки.

Въ 1900 году прихожане оренбургскаго польскаго костела, по своему доброму обычаю, въ память о Зеленкѣ соорудили и помѣстили въ костелѣ мраморную доску съ надписью, которая въ переводѣ на русскій языкъ гласитъ слѣдующее:

„Ксендзу Михаилу Зеленкѣ, мужу великихъ заслугъ, воспитаннику виленскаго университета, основателю и первому настоятелю костела въ Оренбургѣ, скончавшемуся октября 31 дня, года господняго 1860.

Прихожане въ 1900 году.“[1])

---

1) Пользуясь случаемъ, приносимъ здѣсь нашу глубокую благодарность многоуважаемой М. М. г-жѣ Петрашевичъ, которая была такъ любезна, что не только скопировала текстъ надписи въ память Зеленки, но и сдѣлала переводъ ея, приведенный нами дословно.

XI.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Существуютъ зонтики, называемые „Антука“ (франц. en—tout—cas—„на всякій случай“). Эти зонтики, какъ извѣстно, имѣютъ ту особенность, что они пригодны одинаково во всякую погоду—и тогда, когда „солнышкомъ печетъ“ и тогда, когда „частымъ дождичкомъ сѣчетъ“... Вотъ такимъ то „Антука“ въ своемъ родѣ и былъ нѣкогда польскій ксендзъ Зеленко въ Оренбургѣ.

Умный, подвижной и университетски образованный ксендзъ Зеленко имѣлъ особенную способность быстро приспособляться ко всякому положенію и ко всякому порученному ему дѣлу: онъ легко угадывалъ то, чего отъ него ожидали и въ этомъ именно направленіи и дѣйствовалъ... Эту особенность, эту приспособляемость Зеленки очень скоро подмѣтилъ такой умный администраторъ, какимъ былъ оренбургскій военный губернаторъ В. А. Перовскій, и потому постарался „на всякій случай“ удержать его въ Оренбургѣ, оказавъ ему сильную поддержку въ достиженіи его замысла сдѣлаться оренбургскимъ католическимъ священникомъ. И Перовскій не ошибся въ Зеленкѣ: послѣдній вполнѣ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды и оказался, дѣйствительно, человѣкомъ очень пригоднымъ и полезнымъ для „столицы степей“, какъ называетъ Оренбургъ г. Юдинъ.[1])

Полезенъ былъ Зеленко прежде всего для главныхъ на-

---

1) „Историческій Вѣстникъ“ 1897 года, май, стр. 419 и др.

чальниковъ оренбургскаго края, которые при помощи „назидательныхъ поученій“ и „совѣтовъ“ ксендза Зеленки могли удерживать ввѣренныхъ ихъ надзору сосланныхъ поляковъ въ должныхъ предѣлахъ повиновенія и политическаго благоразумія... Полезенъ онъ былъ и генеральшѣ Обручевой, которая при содѣйствіи умнаго и подвижного секретаря общества посѣщенія бѣдныхъ, ксендза Зеленки, старалась прослыть въ Оренбургѣ покровительницей всѣхъ слабыхъ и обездоленныхъ горькою судьбою... Но еще полезнѣе былъ ксендзъ Зеленко, „служа всѣмъ безъ разбора вѣроисповѣданія,“ для самыхъ обездоленныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые, быть можетъ, влачили свое жалкое существованіе только при помощи случайныхъ пособій, переходившихъ черезъ руки Зеленки. Для бѣдныхъ дѣвочекъ Зеленко, какъ мы знаемъ, устроилъ даже особое „заведеніе,“ въ которомъ онѣ могли обучаться шитью и рукодѣльямъ. Полезенъ былъ Зеленко и пьяненькому офицерику, ознаменовавшему свое производство въ офицерскій чинъ публичнымъ скандаломъ въ клубѣ и трепетавшему при одной мысли о строгомъ генералѣ... Полезенъ онъ былъ и В. И. Далю, который, покидая Оренбургъ и передавая завѣдываніе „мѣстнымъ собраніемъ животныхъ,“ т. е. зоологическимъ музеемъ Зеленкѣ, могъ, дѣйствительно, „съ удовольствіемъ, какъ говоритъ П. Н. Столпянскій, видѣть, что его труды по основанію мѣстнаго музея не пропали даромъ“...[1]) Однимъ словомъ ксендзъ Зеленко былъ для всѣхъ полезенъ въ Оренбургѣ, начиная съ губернатора и кончая самымъ послѣднимъ захудалымъ обывателемъ. Не даромъ на могилѣ ксендза Зеленки слились, какъ мы говорили уже, въ одномъ чувствѣ благодарности: русскій и полякъ, православный священникъ и старообрядецъ, магометанскій мулла и евангелическій пасторъ...

Но при всей своей приспособляемости, при всемъ разнообразіи своихъ сношеній съ людьми разныхъ вѣроисповѣданій, разныхъ классовъ и состояній ксендзъ Зеленко все-таки

1) „Русская Старина“ 1903 года, іюнь, стр. 73.

всегда умѣлъ оставаться и вѣрнымъ сыномъ своей родины и добрымъ католикомъ.

Какъ вѣрный сынъ своей родины, Зеленко никогда не забывалъ о своихъ соотечественникахъ и, пользуясь своею близостью къ оренбургскимъ губернаторамъ, исхлопоталъ у нихъ для своихъ земляковъ и единовѣрцевъ весьма важныя льготы и право поступать „на военныя и гражданскія мѣста въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ.“

Какъ добрый католикъ, Зеленко, еще находясь въ Гроднѣ, обратилъ свое вниманіе на затруднительное положеніе оренбургскихъ католиковъ при отправленіи ими своихъ религіозныхъ обязанностей и разъ навсегда рѣшился связать свою дальнѣйшую судьбу съ ними, изъявивъ желаніе быть высланнымъ въ Оренбургскую губернію. Еще болѣе яркимъ и характернымъ выраженіемъ дѣятельности Зеленки, какъ добраго католика, можетъ служить оренбургскій польскій костелъ, о построеніи котораго онъ началъ думать еще гораздо ранѣе своего опредѣленія священникомъ въ отдѣльный оренбургскій корпусъ и въ концѣ концовъ, благодаря своей неутомимой энергіи и „неимовѣрной терпѣливости въ достиженіи своихъ цѣлей,“ не только дождался утѣшенія совершать богослуженіе въ построенномъ имъ костелѣ, но и чести сложить свои дряхлыя кости у его подножія. Въ виду этого прихожане оренбургскаго польскаго костела имѣли полное основаніе назвать почившаго ксендза Михаила Зеленку „мужемъ великихъ заслугъ.“

Хотя это названіе дано Зеленкѣ за его дѣятельность на пользу польской колоніи въ Оренбургѣ, но въ нѣкоторой мѣрѣ оно можетъ быть присвоено ему и какъ вообще оренбургскому дѣятелю былыхъ временъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что многосторонняя и полезная, хотя и не совсѣмъ безкорыстная, дѣятельность ксендза Зеленки въ Оренбургѣ заслуживаетъ полнаго уваженія со стороны всякаго непредубѣжденнаго изслѣдователя и ставитъ его имя по меньшей мѣрѣ въ одинъ рядъ съ именами такихъ дѣятелей и сподвижниковъ В. А. Перовскаго, каковы были напримѣръ:

В. И. Даль, Г. Ѳ. Генсъ и В. В. Григорьевъ, изъ статьи котораго мы приводили нѣкоторыя выдержки. Правда, Зеленко ничего не писалъ, кромѣ прошеній и рапортовъ, но за то онъ много добраго сдѣлалъ для оренбургскаго общества...

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Статья В. В. Григорьева о Зеленкѣ.

Въ дополненіе ко всему сказанному нами о ксендзѣ Зеленкѣ считаемъ не лишнимъ, пользуясь случаемъ, познакомить нашихъ читателей съ той статьей В. В. Григорьева, на которую мы нерѣдко ссылались въ своемъ изслѣдованіи и которую намъ удалось найти только въ Императорской публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ. Статья эта очень интересна: она не только ярко рисуетъ предъ нами образъ крайне дѣятельнаго и симпатичнаго ксендза Зеленки, но и характеризуетъ самого В. В. Григорьева, какъ такого человѣка, который по своимъ личнымъ взглядамъ и убѣжденіямъ стоялъ неизмѣримо выше уровня тогдашняго оренбургскаго общества, да и вообще нужно сказать, что В. В. Григорьевъ былъ человѣкъ недюжинный.[1]) Въ виду этого статья его о ксендзѣ Зеленкѣ можетъ оказаться пригодной и для его собственной біографіи. Но пусть сама статья Григорьева говоритъ о себѣ, что нужно. Вотъ она:

„Ничѣмъ въ такой степени не характеризуетъ общество само себя, ничѣмъ не даетъ оно вѣрной мѣрки собственнаго своего уровня въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, какъ оцѣнкою, которую дѣлаетъ личностямъ, являющим-

1) Василій Васильевичъ Григорьевъ былъ извѣстный востоковѣдъ. Онъ родился въ 1818 году, кончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ кандидатомъ восточной словесности, въ 1838 году былъ профессоромъ восточн. яз. въ Решильевскомъ лицеѣ, въ 1844 году служилъ въ министерствѣ вн. дѣлъ. По приглашенію оренбургскаго генералъ-губернатора В. А. Перовскаго Григорьевъ нѣкоторое время занималъ должность чиновника особыхъ порученій при немъ, а во время его похода въ Хиву (въ 1852 году) состоялъ правителемъ походной канцеляріи и исторіографомъ этой военной экспедиціи. Въ 1854 году Григорьевъ былъ опредѣленъ въ предсѣдатели оренбургской пограничной комиссіи и занималъ эту должность до 1862 года. Съ 1862 года по 1878 годъ Григорьевъ былъ профессоромъ исторіи Востока въ петербургскомъ университетѣ, а въ 1874 г. онъ состоялъ и начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Ученые труды Григорьева по исторіи, географіи и археологіи Востока весьма многочисленны. Отдѣльно изданы: „Исторія монголовъ“, „О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ“ и другіе. Умеръ Григорьевъ въ 1881 году. („Энциклопедическій словарь“ бр. Гранатъ, т. III, стр. 1362; „Историческій Вѣстникъ“ 1897 г., май, стр. 410 и „Труды“ О. У. А. К., вып. XXIII, стр. 252).

ся въ его средѣ, какъ тою репутаціей, дурною или хорошею, которою оно снабжаетъ ихъ. Прикинутое на этотъ аршинъ общество наше, какъ провинціальное, такъ и столичное, оказывается находящимся на весьма незавидной ступени развитія.

Мы очень способны прожить въ одномъ городѣ съ замѣчательнымъ человѣкомъ, видаться съ нимъ чуть не ежедневно, быть постоянными свидѣтелями его дѣятельности, даже быть съ нимъ на пріятельской ногѣ, и—не замѣтить его особенности, его превосходства, какъ одно почтенное лицо въ извѣстной комедіи Мольера не замѣчало, что оно цѣлую жизнь говорило прозою. И, наоборотъ, не умѣя оцѣнить истиннаго достоинства, мы сплошь и рядомъ расточаемъ удивленіе наше мишурнымъ личностямъ самаго обыкновеннаго покроя, если имъ удалось отуманить насъ какимъ-нибудь фокусомъ. Случись человѣку умственныхъ размѣровъ Лапласа или Гумбольдта, человѣку нравственной высоты Говарда или Овена попасть, по какимъ нибудь обстоятельствамъ, въ глушь уѣзднаго или губернскаго города нашего, можно быть увѣрену, что общество этого города поняло бы и оцѣнило бы его достоинства на столько же, на сколько пѣтухъ въ извѣстной баснѣ обратилъ вниманія на алмазъ: оно нашло бы съ пронцательностью, свойственной его образованности, что Лапласъ или Гумбольдтъ, въ него забравшійся—тоже, что Земляника, даже, можетъ быть, поставила бы Землянику даже выше, и во всякомъ случаѣ рѣшило бы, что поручикъ Азбукинъ, помѣщающій статьи въ „Искрѣ,“ гораздо ученѣе Говарда или Овена; оно уже вовсе не поняло бы и, конечно, предпочло бы имъ юродиваго Яшу, странствующаго босикомъ по снѣгу, откупщика Михея Михепча, который всѣ посты соблюдаетъ и ежесубботно одѣляетъ нищихъ грошами, или благодѣтельную майоршу Морковкину, которая собственноручно вяжетъ кошельки для лотерей въ пользу бѣдныхъ и усердно заботится о выдачѣ приживалокъ своихъ замужъ за пьянствующихъ приказныхъ. Приложите тотъ же масштабъ къ столицамъ и увидите, что онѣ,

въ своемъ родѣ, не лучше провинціи. Проявись между нами въ числѣ знакомыхъ нашихъ глубокій политико-экономъ, геніальный механикъ или музыкантъ,—мы сами никакъ не сумѣемъ оцѣнить ихъ по достоинству, и покуда голосъ Европы, если она узнаетъ о нихъ, не отдастъ имъ должнаго, мы будемъ считать этихъ людей не болѣе, какъ за „доморощенныхъ геніевъ“. Никогда не забуду я, какъ наши меломаны, равнодушно слушавшіе на петербургской сценѣ явившуюся къ намъ безъ патента на громкую извѣстность пѣвицу Альбони поражены были изумленіемъ и стыдомъ, когда Парижъ, куда она уѣхала отъ насъ, провозгласилъ ее съ перваго дебюта первоклассною знаменитостью. И какъ мало умѣемъ мы цѣнить истинное достоинство въ какомъ бы то ни было родѣ, съ такимъ же отсутствіемъ чутья считаемъ образцовыми людьми, „друзьями человѣчества,“ какъ говорилось во время оно, разныхъ господъ, горячо толкующихъ о прогрессѣ, тогда какъ на дѣлѣ господа эти цѣлую свою жизнь только и знали, что горланить да выверстывать; съ такимъ же отсутствіемъ чутья восхищаемся, какъ критикомъ и публицистомъ, какимъ-нибудь сорвавшимся съ висѣлицы Роберомъ-Макеромъ домашняго приготовленія...

Да, хоть и грустно, а надо сознаться, что всѣ мы вообще, признавая нерѣдко способности и достоинства только въ людяхъ двухъ сортовъ—въ людяхъ, умѣющихъ добывать деньгу какимъ бы то ни было образомъ, и въ людяхъ, тоже не разбирая средствъ, умѣющихъ составить себѣ карьеру, весьма мало расположены цѣнить и отличать общественнымъ уваженіемъ всякое достоинство, всякую полезную дѣятельность подвизающихся на поприщахъ, не ведущихъ къ власти или обогащенію. „Молоды мы, говорятъ: оттого это.“ Нѣтъ, господа, это—признаки не молодости, а старческаго маразма.

Такъ или иначе, но нельзя не пожалѣть объ участи замѣчательныхъ людей, которыхъ судьба заставляетъ вращаться въ такой тупой и неблагодарной средѣ. А судьба забрасываетъ къ намъ нерѣдко истинно замѣчательныхъ людей,

да и собственная наша почва производитъ временемъ этотъ плодъ по разнымъ захолустьямъ Россіи. Вспомнимъ хотя Жуковскаго, который жилъ въ Кіевѣ скромнымъ, никуда не показывавшимся чиновникомъ, нося подъ вицъ-мундиромъ, быть можетъ, благороднѣйшее сердце XIX вѣка. Человѣкъ, который изъ всѣхъ встрѣчавшихся мнѣ въ жизни, наиболѣе подходилъ къ идеалу гражданина и христіанина, также не обращалъ на себя никакого вниманія своей среды: человѣкъ этотъ, повѣрятъ ли читатели и почитатели надворнаго совѣтника Щедрина, былъ тоже провинціальный чиновникъ, совѣтникъ губернскаго правленія въ Симферополѣ, если не ошибаюсь...

Въ настоящемъ случаѣ намѣренъ я познакомить читателей тоже съ однимъ изъ замѣчательныхъ провинціальныхъ людей, дѣйствовавшихъ въ Оренбургскомъ краѣ. Это католическій ксендзъ Михаилъ Ѳаддеевичъ Зеленка.[1]) До 1833 года, когда онъ пріѣхалъ въ Оренбургъ, жизнь его мало мнѣ извѣстна и не представляла, кажется, ничего особеннаго, кромѣ совѣстливаго и усерднаго съ его стороны исполненія своихъ обязанностей. Происходя изъ дворянъ Виленской губерніи, Трокскаго уѣзда, начальное образованіе получилъ онъ въ Ковенскомъ и Мерецкомъ уѣздныхъ училищахъ, потомъ въ 1813 году поступилъ въ духовное званіе и въ 1815 году осмьнадцати лѣтъ отъ роду[2]) принялъ обѣты монашества въ Поторцкомъ монастырѣ доминиканскаго ордена. Окончивъ у доминиканъ высшій семинарскій курсъ со степенью лектора богословія, Зеленка не удовольствовался только этимъ, и прошелъ еще полный курсъ наукъ по этико-филологическому факультету въ знаменитомъ тогда Виленскомъ университетѣ. Назначенный послѣ сего духовнымъ начальствомъ въ учители польскаго краснорѣчія и латинскаго языка въ Несвижское уѣздное училище, онъ исправлялъ эту обязанность

---

1) Оставляемъ правописаніе автора, но напоминаемъ читателямъ, что самъ ксендзъ обычно писалъ свою фамилію такъ: „*Зеленко*.“ Н. М.

2) Это указаніе В. В. Григорьева даетъ намъ право предполагать, что ксендзъ Зеленко родился въ 1797 году, что мы и сдѣлали въ своемъ изслѣдованіи. С. Н. М.

съ осени 1819 по осень 1825 года, въ теченіе послѣдняго года преподавая, впрочемъ, вмѣсто означенныхъ предметовъ историческія науки и французскій языкъ. Между тѣмъ въ 1823 году былъ онъ рукоположенъ въ священники, а подъ конецъ 1825 года перемѣщенъ въ гродненскую доминиканскую гимназію, гдѣ преподавалъ три года, въ званіи старшаго учителя польскаго краснорѣчія, логику и латинскій языкъ, а потомъ болѣе пяти лѣтъ управлялъ этимъ заведеніемъ въ должности смотрителя. Сверхъ обязанностей, соединенныхъ съ этимъ званіемъ, которыми Зеленка занимался съ особою ревностью и пользою, какъ для учащихся, такъ и для преподавателей, вслѣдствіе чего былъ на отличномъ счету у начальства, онъ въ 1828 году отправлялъ еще должность депутата со стороны римско-католическаго духовенства при гродненскихъ палатахъ гражданскаго и уголовнаго суда, успѣвъ и тутъ заслужить всеобщее уваженіе къ качествамъ ума своего и сердца.

Лѣтомъ 1833 года послѣ 15-лѣтней мирной и полезной дѣятельности по учебной части Зеленка отправился въ Оренбургъ, куда и прибылъ осенью того же года.

Выбитый изъ привычной колеи заботъ и занятій, оторванный отъ всего, съ чѣмъ сросся духовно съ молодости, заброшенный на чужбину, гдѣ никто его не зналъ, не цѣнилъ и не любилъ, лишенный, наконецъ, матеріальныхъ средствъ къ существованію, другой человѣкъ въ положеніи Зеленки съ меньшимъ запасомъ энергіи могъ бы впасть въ уныніе, опустить руки и отдаться страдательно водовороту жизни, не стараясь выплыть на берегъ, котораго и въ виду не было. Не такимъ показалъ себя Зеленка.

Какъ христіанинъ, онъ сохранилъ твердую вѣру въ Промыслъ; какъ человѣкъ съ умомъ и волею, онъ зналъ, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей, и терпѣніемъ можно вездѣ создать себѣ полезную дѣятельность; какъ священникъ. онъ устремилъ эту дѣятельность на помощь слабымъ и служеніе страждущимъ, всего себя отдавъ въ распоряженіе каждому, кто только нуждался въ утѣшеніи, въ совѣтѣ, въ

содѣйствіи. Небо благословило его твердость, добрые люди не оставили участіемъ добраго человѣка: чрезъ нѣсколько лѣтъ пребыванія въ Оренбургѣ, въ продолженіе которыхъ существовалъ частными уроками, Зеленка, не смотря на затруднительность своего положенія, сумѣлъ и здѣсь показать себя съ выгодной стороны, пріобрѣсть уваженіе и расположеніе всѣхъ, кто способенъ былъ цѣнить въ ближнемъ умственныя и нравственныя достоинства. Этою способностью изъ всѣхъ жителей города отличался по преимуществу тогдашній начальникъ Оренбургскаго края, покойный В. А. Перовскій, который и не могъ потому не обратить вниманія на Зеленку, а узнавъ его ближе не могъ, по благородной натурѣ своей, не постараться сдѣлать для него чего-либо полезнаго. По ходатайству Перовскаго, при отдѣльномъ оренбургскомъ корпусѣ, во вниманіе къ духовнымъ потребностямъ значительнаго числа служащихъ въ оном римскихъ католиковъ, признано было нужнымъ имѣть священника означеннаго исповѣданія и на мѣсто это опредѣленъ въ маѣ 1839 года, по Высочайшему повелѣнію, ксендзъ Зеленка.

Назначеніе это расширило кругъ дѣятельности Зеленки, ограничивавшейся дотолѣ однимъ Оренбургомъ, на такое обширное пространство, какого не занимала, вѣроятно, ни одна епархія христіанскаго мира даже in partidus infidelium, такъ какъ войска отдѣльнаго оренбургскаго корпуса расположены во всѣхъ частяхъ Оренбургскаго края, отъ береговъ Волги и Камы до береговъ Сыръ-Дарьи, и отъ предѣловъ Сибири почти до границъ Персіи. Вѣрный самому себѣ и цѣли своей Зеленка повсюду одинаково дѣлалъ возможное для него добро, услуживая всѣмъ и каждому, и результатомъ было то, что онъ сдѣлался популярнѣйшимъ человѣкомъ въ краю съ четырьмя милліонами народонаселенія и сохранилъ эту, все возраставшую популярность, въ продолженіе болѣе двадцати лѣтъ, до самой кончины своей. При обширности оренбургскаго края личность, весьма громкая и вліятельная, напримѣръ, въ Уфѣ, часто вовсе неизвѣстна даже по имени гдѣ нибудь на Сыръ-Дарьѣ, и какая-нибудь самарская или ураль-

ская знаменитость вовсе не существуетъ для Троицка или Златоуста. Зеленку же знали повсюду въ краю, и повсюду любили: знали и любили не одни сильные міра сего, но и меньшая братія, и меньшая братія еще болѣе, чѣмъ старшая.

Но главнымъ центромъ дѣятельности для Зеленки все-таки оставался Оренбургъ, въ 20-тысячномъ населеніи котораго не было никого, кто бы такъ или иначе, хоть разъ въ жизни, не пришелъ въ соприкосновеніе съ этою неутомимою дѣятельностію, хотя чѣмъ-нибудь не былъ ей обязанъ. Утромъ и вечеромъ двери его скромнаго жилища открыты были для каждаго, кто только хотѣлъ обратиться къ его помощи или заступничеству, а съ утра и до вечера сновалъ онъ по городу, и въ 30-ти градусный морозъ и въ 40-ка градусный жаръ, подъ дождемъ и въ мятель, хлопоча по чужимъ надобностямъ, являясь всюду, куда призывали его долгъ и человѣколюбіе, всюду, гдѣ могъ быть полезнымъ ближнему. Старушка мѣщанка А. и отставной офицеръ Б. заболѣли: объ этомъ дали знать Зеленкѣ,—и вотъ Зеленка отправляется навѣстить одинокихъ, ѣдетъ отъ нихъ къ доктору съ просьбой посѣтить ихъ, и къ аптекарю съ просьбой отпустить имъ лѣкарства даромъ. Умеръ чиновникъ В., оставивъ безъ куска хлѣба жену и дѣтей; вдовѣ надо выхлопотать единовременное пособіе, дѣтей пристроить, а для этого написать, добыть и подать, куда слѣдуетъ, разныя прошенія и свидѣтельства,—Зеленка самъ пишетъ прошенія, самъ хлопочетъ о полученіи свидѣтельствъ, и ѣдетъ просить, кого нужно, о помѣщеніи дѣтей въ учебныя заведенія на казенный счетъ. Заходили къ нему утромъ прачка Г. и поваръ Д. просили отыскать имъ мѣсто,—Зеленка заѣзжаетъ въ десять-двадцать домовъ узнать, не нужно-ли кому повара не пьяницу и прачку не воровку? Умеръ отставной солдатъ Е., его и похоронить не на что,—Зеленка хоронитъ его на свой счетъ. Явился иногородній столяръ Ж., хочетъ поселиться въ Оренбургѣ и работать, да нечѣмъ обзавестись,—Зеленка добываетъ ему денегъ на обзаведеніе и рекомендуетъ его въ

двѣнадцати домахъ. Въ семействѣ З. получено извѣстіе о несчастіи, постигшемъ одного изъ его членовъ,—Зеленка немедленно отправляется къ этому семейству, разузнаетъ, въ чемъ дѣло, указываетъ средства поправить бѣду, утѣшаетъ, ободряетъ. Словомъ сказать, онъ былъ прибѣжищемъ всѣмъ безпомощнымъ, всѣмъ безпріютнымъ. Выдавались дни, я думаю и нерѣдко, когда онъ дѣлалъ до пятидесяти посѣщеній и, несмотря на это, находилъ еще досугъ вести самую обширную въ Оренбургѣ частную переписку, такъ какъ отовсюду въ краю всѣ знавшіе его—а кто же его не зналъ?—обращались къ нему въ своихъ надобностяхъ всякаго рода, по дѣламъ всякаго рода, гдѣ могъ употребить онъ свое ходатайство. Для нѣкоторыхъ семействъ, къ которымъ онъ почему-либо питалъ особенную привязанность, гдѣ былъ домашнимъ другомъ, безъ совѣта съ которымъ ничего не дѣлалось и не предпринималось, онъ можно сказать, обдѣлывалъ всѣ дѣла ихъ отъ самыхъ важныхъ до самыхъ мелочныхъ, если въ тѣхъ и другихъ, само собою разумѣется, не было ничего дурного или безнравственнаго. И въ числѣ семействъ этихъ, не излишне замѣтить, римско-католическихъ было не болѣе, какъ на половину, остальные же—православнаго или евангелическаго исповѣданій. Замѣтить это обстоятельство не излишне потому, что въ послѣднемъ случаѣ никакъ уже не можетъ быть приложенъ къ Зеленкѣ упрекъ, не безъ основанія обращаемый къ римскому духовенству, что оно насильственно втирается въ семейныя и гражданскія дѣла своей паствы, злоупотребляя вліяніемъ своимъ на нее въ качествѣ руководителей совѣсти. Въ томъ-то именно и состояло одно изъ отличительныхъ достоинствъ Зеленки, крайне рѣдкое въ духовныхъ лицахъ западной церкви, что онъ былъ чуждъ всякой религіозной исключительности, всякаго фанатизма, всякаго стремленія къ прозелетизму. Христіанинъ какого бы ни было вѣроисповѣданія былъ для него такой же братъ о Христѣ, какъ и римскій католикъ. Принадлежности Зеленки къ римской церкви не замѣтилъ бы ни изъ словъ его, ни изъ дѣйствій, даже изъ наружности никто,

не имѣвшій случая видѣть его отправляющимъ божественную службу въ католическомъ костелѣ. Близко знакомый съ покойнымъ, я нерѣдко вызывалъ его на богословскую бесѣду и въ теченіе десяти лѣтъ ни разу не видалъ, что бы онъ, хотя единымъ словомъ въ увлеченіи спора, измѣнилъ широкому пониманію христіанства, какое обнаруживалъ въ чувствахъ своихъ и образѣ дѣйствій. Это отсутствіе узкости и ограниченности въ его сердцѣ и головѣ простиралось до того, что онъ и въ отношеніи къ мусульманамъ велъ себя точно также, какъ христіанинъ. Послѣдователь ислама, прибѣгавшій къ его помощи, могъ быть увѣренъ въ искреннемъ и горячемъ содѣйствіи съ его стороны столько же, какъ и русскій раскольникъ или реформатъ—полякъ. Этотъ духъ истинно христіанскій терпимости, преобладавшій въ Зеленкѣ, былъ между прочимъ причиною и того, что онъ постоянно сохранялъ отличныя отношенія къ духовенству и другихъ исповѣданій, никогда не входилъ съ нимъ въ непріятныя столкновенія и въ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ представителей православной церкви въ Оренбургѣ имѣлъ даже искреннихъ пріятелей и защитниковъ противъ злыхъ языковъ и завистливыхъ сердецъ, которымъ всякое чужое превосходство тошно, какъ личная обида. Но, и какъ римско-католическій священникъ, Зеленка сдѣлалъ для исповѣданія своего болѣе, нежели самъ могъ надѣяться и ожидать по прибытіи своемъ въ Заволжье. Несмотря на малочисленность здѣсь римскихъ католиковъ и на совершенную бѣдность огромнаго большинства своей паствы, онъ, постоянно стремясь къ цѣли, умѣлъ и успѣлъ добиться того, что въ Оренбургѣ стараніями его возникъ прекрасный каменный костелъ и въ немъ завелся довольно дорогой органъ. Пріобрѣтеніе его было послѣднимъ усиліемъ и утѣшеніемъ жизни. Въ награду же за примѣрноусердное исполненіе своихъ обязанностей по званію корпусного священника Зеленка еще въ 1851 году всемилостивѣйше пожалованъ былъ наперстнымъ крестомъ.

Въ какомъ бы дѣлѣ, впрочемъ, ревность его къ добру и дѣятельность ни могли быть полезны, Зеленка никогда не

отказывалъ въ своихъ услугахъ. Такъ, онъ устроилъ въ Оренбургѣ мѣстный зоологическій музей и съ любовью хлопоталъ о пополненіи его и сбереженіи. Такъ, въ управленіе Оренбургскимъ краемъ В. А. Обручева онъ, по порученію послѣдняго, завѣдывалъ безвозмездно нѣсколько времени упраздненнымъ нынѣ училищемъ земледѣлія и лѣсоводства въ Оренбургѣ и періодъ заботливости Зеленки объ этомъ заведеніи едва-ли не былъ лучшимъ въ исторіи его существованія. Такъ, 1852 года въ Оренбургѣ же устроилось, по примѣру существовавшаго тогда Петербургскаго, частное общество посѣщенія бѣдныхъ и Зеленка принялъ въ немъ, разумѣется, самое горячее участіе, до конца жизни оставался онъ ревностнѣйшимъ, даже можно сказать, единственнымъ членомъ этого общества, вѣрнымъ его цѣли, потому что, какъ водится у насъ, горячіе вначалѣ на дѣло, но не стойкіе въ осуществленіи его, основатели общества скоро охладѣли въ своемъ усердіи, а новый наборъ членовъ болѣе заботился о пріобрѣтеніи денежныхъ средствъ для бѣдныхъ, нежели о распредѣленіи между ними этихъ средствъ сообразно съ дѣйствительными ихъ нуждами. Разумной заботливости Зеленки обязано также существованіемъ, сколько извѣстно мнѣ, и первое въ Оренбургѣ частное заведеніе для обученія бѣдныхъ дѣвочекъ шитью и рукодѣльямъ.

„Все это“, скажутъ пожалуй иные,—какъ и дѣйствительно приходилось намъ слышать отъ нѣкоторыхъ оренбурженцевъ, не желающихъ чужого превосходства,—„очень хорошо, да кто-жъ поручится, что Зеленко хлопоталъ, конечно, безъ устали не изъ личныхъ видовъ? Католическій монахъ, онъ жаждалъ вліянія и что ни дѣлалъ, дѣлалъ все для того, чтобы пріобрѣсти и поддержать это вліяніе, и потому никакъ не заслуживаетъ быть образцомъ для подражанія.“

— Позвольте, господа, отвѣтимъ мы на это, еслибъ вы, сумѣвши поставить себя въ обществѣ такъ, какъ Зеленка, употребляли вліяніе свое, какъ онъ, исключительно на пользу ближнимъ, забывая о себѣ, и никогда не обращая связей своихъ въ орудіе зависти вашей и мстительности, то вы,

право, были бы прекраснѣйшіе, примѣрные люди, и въ видахъ общаго блага слѣдовало бы не только не ставить вамъ въ укоръ вашего вліянія, но содѣйствовать къ усиленію его и упроченію. А потомъ, гдѣ же доказательства, что Зеленка дѣлалъ добро для того, чтобы пріобрѣсти вліяніе, а не наоборотъ—пріобрѣлъ вліяніе только для того, что бы быть въ состояніи дѣлать добро? Какъ человѣкъ съ практическимъ умомъ, Зеленка зналъ, что, дѣйствуя всегда прямо и на проломъ, можно только себѣ лобъ разбить, а пользы никому не принесешь; и вотъ, изъ желанія принести эту пользу онъ старался дружить съ людьми въ силѣ и пріобрѣтать ихъ расположеніе въ увѣренности, что за расположеніемъ придетъ, когда узнаютъ его ближе, и уваженіе съ ихъ стороны. Что-жъ тутъ дурного? Выходитъ одно, что Зеленка не только желалъ, но и умѣлъ дѣлать добро.

Пороки, какъ и добродѣтели, не селятся въ человѣческомъ сердцѣ особнякомъ. Кто отдался одной дурной наклонности, въ томъ со временемъ разведутся и другія, а если мы положительно знаемъ, что извѣстныхъ темныхъ сторонъ въ характерѣ человѣка не было, то должны заключать съ вѣроятностью, что не было въ немъ и другихъ. Мы знаемъ, что въ Зеленкѣ не было и тѣни корыстолюбія. Ни отъ кого не слыхали мы, чтобы онъ когда-либо, даже отъ зажиточныхъ изъ прихожанъ своихъ, принялъ что-либо за исповѣдь или отправленіе другихъ требъ, между тѣмъ содержаніе, которое получалъ отъ казны, ограничивалось 286-ю рублями въ годъ, и только разъ, въ теченіе 20-лѣтней службы своей при отдѣльномъ оренбургскомъ корпусѣ, получилъ онъ денежное награжденіе, именно 205 рублей серебромъ въ 1847 году. Но и бѣднаго содержанія, которое получалъ Зеленка, не издерживалъ онъ цѣликомъ на себя, а находилъ возможность дѣлиться имъ съ такими же, какъ самъ, бѣдняками. Это одно свидѣтельствуетъ уже, что онъ долженъ былъ вести жизнь крайне воздержную, отказывая себѣ во всякомъ, даже самомалѣйшемъ излишествѣ, но монашеская воздержность Зеленки извѣстна и безъ того. Его, навѣрное, можно было встрѣ-

тить вездѣ, гдѣ люди страдали и нуждались въ утѣшеніи или помощи, отъ участія же въ пирахъ и весельяхъ онъ какъ-то ловко могъ уклоняться, хотя никогда не придавалъ себѣ наружности аскета, бывалъ обыкновенно веселъ и шутливъ. Наконецъ, столь памятный Оренбургу 1848 годъ, когда холера свирѣпствовала здѣсь съ ужасающей яростью, когда некому было не только лѣчить заболѣвающихъ, но и хоронить умершихъ, показалъ, что Зеленка былъ не только добрый въ высшей степени человѣкъ, но и герой самоотверженія.[1]) Въ этотъ періодъ отчаянія, когда каждый, кто могъ думать, думалъ о себѣ, только два человѣка не потеряли присутствія духа, не измѣняли до конца святымъ обязанностямъ своимъ и, не щадя себя, являлись всюду ангелами помощи и утѣшенія, Зеленка да православный священникъ Содальскій. А чей духъ способенъ къ такому самоотверженію, тотъ, повѣрьте, не поставитъ цѣлію своей жизни грошевое наслажденіе вліяніемъ въ какомъ нибудь захолустьѣ.

Слабый здоровьемъ, дѣятельный до изнуренія силъ, Зеленка въ послѣднее время часто бывалъ боленъ; особенно тягостны для 60-лѣтняго старика становились дальніе его разъѣзды. Онъ продолжалъ однакоже разъѣзжать, хотя и черезъ силу. Изъ одного такого разъѣзда онъ возвратился въ Оренбургъ совсѣмъ хворый и слегъ. Его стали лѣчить отъ лихорадки, а потомъ оказалось, что у него было воспаленіе легкихъ. Онъ скончался 31 октября прошлаго года[2]) и, не въ примѣръ другимъ, съ разрѣшенія главнаго начальника края,[3]) похороненъ въ оградѣ его же усердіемъ сооруженнаго костела.

Похоронныя издержки приняли на себя прихожане: послѣ покойника не осталось почти никакого имущества. Изъ дому до могилы усопшаго гробъ его сопровождаемъ былъ многочисленною толпою горожанъ всѣхъ исповѣданій. Страж-

---

1) Также отзывается о Зеленкѣ и генералъ Залѣсовъ въ своихъ запискахъ. („Русская Старина“ 1903 года май, стр. 270). Н. М.

2) Т. е. 1860 года. Н. М.

3) Т. е. генералъ-губернатора А. П. Безака. Н. М.

дущіе и нуждающіеся провожали своего утѣшителя и успокоителя съ горькими слезами, сознавая, что отошедшаго въ вѣчность никто уже не замѣнитъ имъ на землѣ. А сколько слезъ благодарнаго воспоминанія вѣсть о кончинѣ его должна была извлечь у сотенъ утѣшенныхъ и поддержанныхъ имъ единовѣрцевъ, для которыхъ такъ часто служилъ онъ олицетвореннымъ провидѣніемъ. Уваженіе къ памяти покойнаго вскорѣ по кончинѣ его выразилось весьма знаменательнымъ фактомъ: составилась подписка на сооруженіе памятника надъ его могилой, въ которой (подпискѣ), между прочими лицами, приняли участіе священники православнаго и евангелическаго исповѣданія, купцы православные и старообрядцы, двое муллъ и восемь другихъ магометанъ. Эта подписка говоритъ о значеніи Зеленки во сто разъ убѣдительнѣе нашихъ словъ, а между тѣмъ многіе образованные люди, сильно хлопочущіе о распространеніи грамотности, продолжаютъ спрашивать: „да чѣмъ же, скажите, былъ онъ замѣчательный человѣкъ?“

— Тѣмъ, отвѣчаю я подобнымъ господамъ, что не имѣлъ чести походить на насъ съ вами.“[1])

Нельзя не признать вполнѣ справедливымъ такое опредѣленіе В. В. Григорьевымъ достоинствъ ксендза Зеленки. Но насколько справедливо это опредѣленіе по отношенію къ Зеленкѣ, настолько же оно характерно и для самого Григорьева. Немного сказалъ онъ, но вѣрно, мѣтко и вѣско Оппонентовъ, повидимому, больше уже не находилось...

Священникъ **Николай Модестовъ.**

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

1) „Сѣверная Пчела“ 1861 года, № 74. Кромѣ „Сѣверной Пчелы“ какая-то статья о Зеленкѣ была помѣщена въ „Оренбургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1861 года, но намъ не посчастливилось раздобыть эту статью. Н. М.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Отъ автора	III
I. Вмѣсто предисловія	5
II. Высылка Зеленки въ Оренбургъ . . .	8
III. Ходатайство г.-м. Ціолковскаго объ опредѣленіи Зеленки священникомъ для оренбургскихъ католиковъ	15
IV. Хлопоты Зеленки о дозволеніи ему совершать богослуженіе и требы въ частныхъ домахъ .	25
V. Опредѣленіе Зеленки католическимъ священникомъ въ отдѣльный оренбургскій корпусъ .	32
VI. Пастырская дѣятельность Зеленки . . .	38
VII. Благотворительная дѣятельность Зеленки . .	44
VIII. Участіе Зеленки въ культурныхъ начинаніяхъ.	49
IX. Вліяніе Зеленки на администрацію оренбургскаго края	59
X. Смерть и погребеніе Зеленки	62
XI. Заключеніе	66
Приложеніе:	
Статья В. В. Григорьева о Зеленкѣ . . .	70

A-50
(н.ц.)

Цѣна ~~75~~ коп.